

Г. Мишо

ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Vita memoriae

Г. Мишо

История крестовых походов

«ИП Карелин»

Мишо Г.

История крестовых походов / Г. Мишо — «ИП Карелин»,
— (Vita memoriae)

Книга из серии «Vita memoriae» – «Живая память» – обращается к временам средневековья, раскрывая одно из интереснейших явлений этой эпохи – крестовые походы. Невиданный прежде энтузиазм паломников и воинов, отправляющихся в неизведанные земли для освобождения Святой земли, – и гибель тысяч людей из-за необдуманных действий вождей похода; подвиги отваги и благородства на полях сражений – и нравственное падение войска, забывшего о своей высокой цели... Написанная очень живо и образно, эта историческая книга читается, как приключенческий роман. Издание иллюстрировано большим количеством гравюр Гюстава Доре.

Содержание

Глава I	5
Глава II	11
Глава III	19
Глава IV	22
Глава V	28
Глава VI	31
Глава VII	36
Глава VIII	39
Глава IX	43
Глава X	48
Глава XI	56
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Г. Мишо
История крестовых походов
С гравюрами Г. Доре
Издание 3-е

Глава I
От странствий на поклонение Святому
Гробу до Клермонского собора
(IV в.—1095 г.)

самых первых времен христианской эры последователи Евангелия собирались вокруг гроба Иисуса Христа, Спасителя мира, для молитвы. Император Константин воздвиг храмы над гробом Сына человеческого и на некоторых из главных мест Его страданий; освящение храма Святого Гроба было великим торжеством, при котором присутствовали тысячи верующих, собравшихся со всех сторон Востока. Мать Константина, св. Елена, уже в преклонных годах предприняла странствие в Иерусалим и содействовала своим усердием открытию древа Креста Господня в одной из пещер, поблизости от Голгофы. Бесплодные усилия императора Юлиана возобновить храм Иудейский, в опровержение слов Священного писания, сделали еще более дорогими Святые места. Между благочестивыми поклонниками IV века история сохранила имена св. Порфирия, бывшего впоследствии епископом Газским, Евсевия Кремонского, св. Иеронима, изучавшего в Вифлееме Священное писание, св. Павлы и дочери ее Евстахии из знаменитого рода Гракхов, могилы которых находит в настоящее время путешественник рядом с могилой св. Иеронима, близ той пещеры, где Спаситель возлежал в яслях. В конце IV века число паломников было так велико, что многим из отцов церкви, между прочим и св. Григорию Нисскому, приходилось уже красноречивыми доводами указывать на злоупотребления и опасности странствования на богомолье в Иерусалиме. Напрасные предостережения. Не могло впредь явиться в мире такой власти, которая преградила бы христианам путь к Святой Гробнице.

Вскоре из глубины Галлии нахлынули толпы новых христиан, которые спешили поклониться колыбели верования, только что воспринятого ими. Маршрут, или дорожник, составленный собственно для паломников, служил им путеводителем от берегов Роны и Дордоны до реки Иордан и на обратном пути из Иерусалима до главных городов в Италии. В первых годах V века мы встречаем на пути к Иерусалиму императрицу Евдокию, супругу Феодосия Младшего. В царствование Ираклия войска персидского шаха Хосроя II нахлынули на Палестину; после десятилетней борьбы победа осталась на стороне христианского императора. Он возвратил святилищу Иерусалима древо Животворящего Креста, похищенное варварами; босой проходил он по улицам священного города, неся на плечах своих до самой Голгофы это ору-

дие искупления человеческого. Шествие это было торжественным праздником, память о котором церковь празднует и доныне под именем Воздвижения Честного Животворящего Креста. В последние годы VI века выехал из Пьяченцы с благочестивыми спутниками св. Антонин, чтобы почтить поклонением места, освященные следами Божественного Искупителя. Дорожник, носящий имя его, доставляет очень любопытные сведения о состоянии, в котором находилась в то время Святая земля; между тем как Европа волновалась среди разнообразных бедствий войны и переворотов, Палестина покоилась под сенью Голгофы и как будто во второй раз сделалась землею обетования. Но недолго должны были продолжаться это спокойствие и благосостояние.

Берега р. Иордан

Из хаоса религиозных и политических смут, среди развалин, загромождающих с каждым днем более и более слабый, колеблющийся и разделенный Восток, выступил человек со смелым замыслом возвестить новую веру, основать новое царство. Это был Мухаммед, сын Абдуллы, из племени курейшитов. Он родился в Мекке в 570 г.; был сначала бедным погонщиком верблюдов, но был одарен пылким воображением, энергичным характером, живым умом и имел глубокое познание аравийских народностей, их наклонностей, вкусов и потребностей. Коран, над сочинением которого он провел 23 года, хотя и проповедовал чистую нравственность, но вместе с тем обращался и к самым грубым страстям человеческого сердца и сулил убогим обитателям пустыни обладание целым миром. Сын Абдуллы, когда ему было 40 лет, начал проповедовать свое учение в Мекке, но после 13-летней проповеди должен был бежать в Медину, и с этого бегства Пророка в Медину, 16 июля 622 г., начинается мусульманская эра. Не много понадобилось времени Мухаммеду, чтобы завоевать все три Аравии, но яд прервал его победы и жизнь в 632 г. Войну и проповедь его учения продолжали Абу Бекр, тесть Мухаммеда, и Омар, который покорил Персию, Сирию и Египет. Амру и Серджий, наместники Омара, подчинили своей власти Иерусалим, который мужественно защищался в продолжение четырех месяцев. Омар, явившийся самолично принять ключи побежденного города, велел выстроить большую мечеть на том месте, где возвышался храм Соломона. При жизни халифа, наследовавшего власть Абу Бекра, участь палестинских христиан была еще не очень бедственна, но по смерти Омара им пришлось терпеть всякий позор и разграбление.

Нашествие мусульман не остановило паломничества. В начале VIII века мы встречаем в Иерусалиме епископа Галльского, св. Арнульфа, описание интересного путешествия которого сохранилось до нашего времени, а лет через 20 или 30 после того посетил Святые места другой епископ – Гилебальд из саксонской страны, о путешествии которого сохранился рассказ его родственницы-монахини. Распри между разными мусульманскими партиями, добивавшимися высшей власти, губительно отражались на палестинских христианах; долго тяготели на них ужасы преследования, прерываемые лишь кратковременными отдыхами, и только в царствование Гарун аль-Рашида, величайшего халифа из династии Аббасидов, настали для них более спокойные дни. Карл Великий в это время распространял свое владычество на Западе. Взаимное уважение между великим государем франков и великим халифом ислама выражалось посредством частых посольств и роскошных подарков. Гарун аль-Рашид послал в дар Карлу Великому ключи от Святого Гроба и священного города: в этом приношении была политическая идея и что-то вроде смутного предчувствия крестовых походов.

В это время европейские христиане, посещавшие Иерусалим, были принимаемы в странноприимном доме, учреждение которого приписывают Карлу Великому. В конце IX века монах Бернар, родом француз, посетил Святые места с двумя другими лицами монашеского звания; он видел это странноприимное учреждение латинской церкви, состоящее из 12 домов или гостиниц; тут для паломников была открыта библиотека, как и в других странноприимных домах, основанных в Европе Карлом Великим. В пользовании этого благочестивого учреждения были поля, виноградники и сад, расположенный в долине Иосафатовой. Желание обрести частицы мощей, а также и торговые расчеты способствовали умножению этих путешествий за море; ежегодно 15 сентября в Иерусалиме открывалась ярмарка: торг, по обыкновению, происходил на площади церкви св. Марии Латинской. Купцы из Венеции, Пизы, Генуи, Амальфи и Марселя имели свои конторы в разных странах на Востоке.

Путешествия к Святым местам стали налагаться в виде публичной кары и средства к искуплению вины. В 868 г. один знатный бретонский владетель, по имени Фротмонд, убивший своего дядю и меньшего из своих братьев, был присуждаем три раза к путешествию в Святую землю для получения полного отпущения своих преступлений. Цензий, римский префект, который в церкви Санта-Марии-Маджоре нанес оскорбление папе, схватив его в алтаре и заключив в темницу, был присужден оплакивать свою вину у подножия Гроба Господня.

Эти частые путешествия установили братские отношения между христианами Востока и европейскими. Письмо Илии, патриарха Иерусалимского, написанное в 881 г. к Карлу Младшему и великой семье христианского Запада, представляется нам торжественным выражением этих отрадных и благочестивых отношений. Патриарх описывает несчастное положение иерусалимской церкви: бедным и монашествующим угрожает смерть от голода; для лампад святилища недостает масла; иерусалимские христиане взывают к состраданию своих европейских братьев. Не дошло до нас никакого свидетельства, которое пояснило бы, как отозвалась христианская Европа на это трогательное послание, но можно предполагать, что два монаха, посланные с письмом от Илии, возвратились не с пустыми руками.

По ниспровержении владычества Аббасидов мусульманский мир под влиянием распрей и несогласий распался и утратил свою силу; зрелище этого падения приободрило на некоторое время греков. Никифор Фока, Ираклий и особенно Цимисхий сделали несколько удачных попыток; но смерть Цимисхия, отравленного внезапно среди пути, возвратила сарацинам все, что они потеряли. Халифы Фатимиды, поселившиеся недавно по берегам Нила, сделались новыми обладателями Иудеи. Под их управлением положение христиан было сносным до тех пор, пока не стал халифом Гакем, о жестоком фанатизме и яростном безумии которого сообщает история. Герберт, архиепископ Равенский, сделавшийся папой под именем Сильвестра II, видел бедствия христиан во время своего путешествия в Иерусалим. Письмо этого прелата (986), в котором Иерусалим сам оплакивает свои несчастья и взывает к состраданию своих

детей, возбудило волнение в Европе. Следствием этого негодования и сострадания была морская экспедиция пизанцев, генуэзцев и короля Арльского, Бозжа, которая угрожала сарацинам до берегов Сирии; но эта неблагоприятная демонстрация возбудила только недоверие сарацин и привлекла на христиан усиленные меры строгости.

Летописцы того времени, описывая бедствия Святой земли, сообщают, что все религиозные церемонии были запрещены и большая часть церквей превращены в конюшни; храм Святого Гроба также подвергся опустошению. Христиане принуждены были удалиться из Иерусалима. Со слезами приняли на Западе известие о разрушении Святых мест. В разных явлениях представились благочестивым христианам как бы знамения этих несчастий: например, в Бургони выпал каменный дождь; на небе видны были кометы и метеоры. В различных по климату местностях природа действовала как бы вопреки своим определенным законам, и год бедствий Иерусалима был полон печальных, таинственных знамений. Но все эти бедствия делали еще более дорогим и священным для христиан город их Искупителя. Вообще, конец X века составляет эпоху тревог и мрачной озабоченности; в Европе думали, что скоро наступит последний день мира и Иисус Христос сойдет на землю, чтобы судить живых и мертвых. Мысли всех были обращены к Иерусалиму, и путь странствия туда сделался как бы путем вечности. Богатые учреждали благотворительные заведения, так как блага земные вменялись тогда в ничто. Не одна дарственная запись начинается такими благочестивыми словами: «так как приближается конец мира» или «убоясь наступающего дня Суда Божия» и т. п. Когда умер Гакем – халиф-притеснитель, то преемник его, Захир, позволил христианам выстроить вновь храм Святого Гроба; император Константинопольский предоставил черпать средства из своей собственной казны для покрытия издержек по восстановлению храма.

В XI веке примеры странствий к Святым местам, налагаемых в виде церковного покаяния, встречаются еще чаще, чем в предыдущем столетии. Великие грешники должны были оставлять на некоторое время свое отечество и вести скитальческую жизнь, подобно Каину. Этот способ искупления греха (кражи, убийства, нарушения примирения во имя Бога) согласовался с деятельным и беспокойным характером западных народов. Чем дальше подвигается XI век, тем более любовь к странствиям на поклонение Святым местам становится потребностью людей, привычкой, законом. посох странника виден в руке каждого уроженца Европы; старание ли избежать опасности или преодолеть затруднение, исполнение ли какого-нибудь желания или обета – все это служит причиной покинуть домашний очаг и стремиться к дальним небесам. Странник, направляющийся в Иерусалим, был как бы священной личностью; отъезд его и возвращение ознаменовывались религиозными церемониями. Ни в какой стране не подвергался он лишению благодетельного гостеприимства. Особенно же во время празднования Пасхи стечение паломников бывало многочисленно в Иерусалиме; толпы верующих стремились увидеть, как нисходит священный огонь и зажигает светильники у Гроба Господня.

Знаменитейшими паломниками первой половины XI века считают Фулька Анжуйского, по прозванию Черный, и Роберта Нормандского, отца Вильгельма Завоевателя. Фульк, обвиненный в убийстве своей жены и, сверх того, в других убийствах, три раза путешествовал к Святым местам, заявляя многими доказательствами набожное свое настроение и милосердие, и умер в Меце в 1040 г. по возвращении из третьего странствия на богомолье. Роберт Нормандский, виновный, как говорят, в том, что по его повелению был отравлен брат его Ричард, также отправился вымаливать прощение Господа у Его Святого Гроба; по прибытии в Иерусалим встретил он у ворот города толпу бедных странников, стоявших тут в ожидании милостыни от какого-нибудь богатого господина, которая открыла бы им доступ в священный город, и заплатил за каждого из них по золотой монете. Роберт умер в Никее, сожалея, что ему не пришлось кончить жизнь свою при самом Гробе своего Господа.

В 1054 г. Литберт, епископ Камбрейский, отправился в Иерусалим во главе трех тысяч поклонников из Пикардии и Фландрии. Этот отряд, известный у летописцев под замечатель-

ным названием «войска Божьего», погиб в Болгарии, побитый оружием варваров и также от голода. Епископ Камбрейский прибыл в Сирию с очень немногими уцелевшими спутниками; но он был так несчастлив, что должен был возвратиться в Европу, не выдав Гроба Господня. Другой отряд, более многочисленный, отбыл с берегов Рейна в 1064 г.; эти благочестивые германцы достигли Святой земли, где патриарх устроил им торжественную встречу при звуках литавр. В числе путешественников к Святым местам в это же время можно упомянуть еще о Фридрихе графе Вердунском, о Роберте Фризоне графе Фландрском, и о Беранжере графе Барселонском.

Вторжение турок, эта «наковальня, которая должна была тяготеть над всею землею», по выражению одного летописца, подчинило Восток новым владыкам, а палестинских христиан – новым притеснителям. К такому громадному количеству врагов, восставших против последователей Евангелия, Европа не отнеслась равнодушно. Папа Григорий VII, человек энергичный, смелый и предприимчивый, начал убеждать христиан вооружиться против мусульман; пятьдесят тысяч человек отозвались на его призыв, и Григорий VII сам должен был вести их в Азию. Но он не мог осуществить этого предприятия. Преемник его, Виктор III, обещал отпущение грехов всем, кто выступит на битву с сарацинами, свирепствовавшими по берегам Средиземного моря; флот, снаряженный жителями Пизы, Генуи и других городов Италии, явился у африканских берегов; итальянские воины изрубили множество сарацин и сожгли два мусульманских города в древней стране Карфагенской.

Но не первосвященник римский, а простой отшельник стал тем, кто под влиянием идеи, властвующей над веком, поднял знамя великой войны между Востоком и Западом. Петр Пустынник, родом из Пикардии, ища удовлетворения для своей пламенной и тревожной души и на войне, и в мире, и в церкви, избрал последним своим убежищем уединение в одном из самых суровых монастырей. Он покинул его лишь для того, чтобы пойти на поклонение к Святым местам. Вид Голгофы и Святого Гроба воспламенил его христианское воображение; зрелище страданий палестинских христиан возбудило его негодование. Петр Пустынник вместе с патриархом Симоном плакали над бедствиями Сиона, над порабощением последователей Иисуса Христа. Патриарх вручил отшельнику письма, в которых он умолял о помощи папу и государей; Петр обещал ему не забыть Иерусалим. И вот из Палестины отправляется он в Италию, припадает к ногам папы Урбана II, испрашивает и достигает его предстательства в пользу освобождения Иерусалима. И после того Петр Пустынник, воссев на мула, с босыми ногами, с обнаженной головой, в простой, грубой одежде, с распятием в руках отправляется из города в город, из провинции в провинцию, проповедуя на площадях и по дорогам. Таким образом проходит он по всей Франции и по большей части Европы; красноречие его потрясает толпы; все умы воспаляются, все сердца растроганы.

Немедленно в Пьяченце был созван собор; тут были и послы от императора Алексея, на которых было возложено представить папе картину бедствий на Востоке. Более 200 епископов и архиепископов, 4000 духовных лиц и 30 000 лиц светского звания присутствовали на соборе. Но ничего здесь не было решено. Великое решение состоялось на новом соборе, более торжественном и многочисленном, – Клермонском соборе в Оверни. После многих совещаний о преобразовании духовенства, об установлении относительно порядка, справедливости и человечности был поднят вопрос о Святой земле. Совещание, на котором раздалось слово о Иерусалиме, было десятым на соборе; оно происходило на большой Клермонской площади, покрытой несметными толпами народа; для папы был воздвигнут престол. Петр Пустынник заговорил первый; голос его дрожал от слез, когда он обратился к народу, и слова его произвели потрясающее впечатление. После него начал говорить папа Урбан, который представил зрелище наследия Христова в позорном порабощении, Божиих верных сынов – терпящими гонения и преследования, Европу христианскую – под угрозой победоносных варваров; папа призывал государей и народы послушать Богу Живому. При словах папы слышны были общие рыдания; на призыв

его к мужеству воинов толпа отозвалась пламенным рвением. Перед благочестивыми душами в словах папы открывалось Царствие Небесное, которое предстояло завоевывать, а перед честолюбивыми – земные блага и царства Азии. И подобно грому огласил Клермонскую площадь крик, вырвавшийся из сердец несметной толпы: «Этого хочет Бог! Этого хочет Бог!» Здесь мы только слегка касаемся действия, произведенного речью папы; только в истории крестовых походов можно видеть торжественное величие зрелища, явленного тогда перед христианским миром.

Глава II

С отбытия крестоносцев до осады Никеи (1096–1097)

пископы, бароны, рыцари и все верующие, которые присутствовали на Клермонском соборе, поклялись идти освобождать Иерусалим. Они облачились в одежду, украшенную красным крестом (из шелковой или шерстяной материи), и от этого произошло название *крестоносцев*. Урбан, с целью окончательно воспламенить сердца христиан, посетил многие провинции во Франции, созвал соборы в городах Руане, Анжере, Туре и Ниме; толпы народа следовали за ним, и воинственный энтузиазм охватил всю страну. Собор, на котором решен был крестовый поход, происходил в ноябре 1096 г., а в августе следующего года было назначено крестоносцам выступить в поход. В продолжение зимы делались приготовления. Епископы всех епархий были заняты освящением крестов, оружия и знамен. Религиозное рвение и разные привилегии, предоставленные крестоносцам, содействовали увеличению числа пилигримов и воинов. Им отпускались все прегрешения; церковь принимала под свое покровительство и крестоносцев, и их семейства, и имущество; они освобождались от податей и налогов и от преследования своих кредиторов во все продолжение похода.

Рвение к пилигримству разгорелось повсюду; это сделалось единственным стремлением, единственным предметом интереса и честолюбия. Желание посетить Святые места и завоевать Восток превратилось во всеобщую страсть. Земли начали продаваться по низкой цене; ремесленники, купцы и земледельцы охладели к своим обычным занятиям и сделались безучастными ко всему, кроме крестового похода. Даже монастыри оказались не властны удержать в своих стенах их суровых обитателей; клятва жить и умереть в уединении должны была уступить силе влечения в дальние области. И странное явление! Даже воры и разбойники выползли на свет Божий из своих скрытых притонов и вымаливали счастье принять крест и идти искупить свои преступления в бою с врагами Иисуса Христа. Восторженное настроение крестоносцев, начавшееся во Франции, перешло отсюда в Англию, Германию, Италию и Испанию; под знаменем Креста различные западные народы слились в одном общем стремлении. Для народов, как и для отдельных личностей, не стало земли более желанной, чем Палестина; не представлялось более славного подвига, чем крестовый поход; не утешала иная надежда, кроме освобождения Иерусалима. Фантазия и народные страсти присоединили саму природу к этому всеохватывающему воинственному порыву: она то покрывала небо кровавыми облаками, то ниспускала комету в виде меча или расстилала по небесному пространству движущиеся города с башнями и украшениями, вооруженные легионы и знамение креста. Знаменитые покойники минувших времен (таковы были толки в народе) покинули свои могилы, чтобы принять участие в этом великом движении христианской Европы.

В первые весенние дни 1096 г. внезапно и повсеместно разгорелся порыв выступить в поход; ничто более не могло сдерживать благочестивого рвения крестоносцев. Все звания, возрасты и сословия смешались под знаменем Креста. Дороги были усеяны отрядами, из среды которых то тут, то там раздавался возглас «Этого хочет Бог!», слышались звуки труб и литавр

и пение гимнов и псалмов. Целые семьи, забрав с собой провизию, утварь и мебель, пускались в Палестину, предавая себя провидению Того, Кто питает птиц небесных. Деревенские дети, встречая на пути город или замок, спрашивали в своем простодушном неведении: не это ли Иерусалим?

Князья и вожди, которые должны были предводительствовать различными отрядами крестоносцев, решили, что они отправятся в разное время и по разным дорогам, но все соединятся в Константинополе. Большая часть ополчения не хотела ждать; не имея предводителя, она требовала, чтобы Петр Пустынник повел ее на Восток. Петр согласился на это. В шерстяной мантии с капюшоном на голове, в сандалиях на ногах, на том же муле, на котором он разъезжал по Европе, Петр направился в Германию во главе восьмидесяти и даже до ста тысяч народа. Проповедник крестового похода, сделавшийся предводителем такой массы пилигримов, не подумал о беспорядках и бедствиях, могущих возникнуть вследствие грубого невежества и отсутствия всяких разумных мер и дисциплины. Авангард армии Петра Пустынника, предводительствуемый Готье Голяком, состоял только из восьми всадников, все прочие шли завоевывать Восток, собирая милостыню по дороге. Этот авангард прибыл в Константинополь, совершив печальный и бедственный двухмесячный поход через Венгрию и Болгарию. Император Алексей дозволил ему тут дожидаться армии Петра Пустынника. Армия же эта, следуя по пути, проложенному ратниками Готье Голяка, увидела следы бедствий, которые они потерпели, и неблагоразумно пожелала отомстить за них. Высокую идею крестовых походов она осквернила страшнейшими ужасами, которые пришлось ей искупить под стенами Ниссы. И когда остатки армии Петра Пустынника соединились с остатками авангарда вокруг Константинополя, то все поклялись соблюдать впредь дисциплину и подчиняться разумным распоряжениям. Петр Пустынник оказался предметом большого любопытства при императорском дворе; Алексей осыпал его подарками, приказал снабдить его армию деньгами и провиантом и посоветовал ему подождать прибытия владетельных князей, чтобы начать войну.

Но князья и настоящие предводители крестового похода еще не выступили из Европы; им предшествовали новые ополчения, подобные тем, какие вели Готье Голяк и Петр Пустынник. Пфальцский священник Готшалк отправился с 15 000 (до 20 000) войска из разных провинций Германии, вооружившегося по его призыву; при переходе через Венгрию отряд этот предался всем неистовствам разгула и был истреблен оружием венгров. С берегов Рейна и Мозеля выступило другое ополчение под предводительством священника Фолькмара и графа Эмикона; эта толпа – сборище бродяг и искателей приключений, – руководимая двумя лицами, плохо разумеющими смысл и дух крестового похода, устремилась как на врагов на всех евреев, которых встречала на пути, и кровью их обагрила несколько городов в Германии. Рейн и Мозель покрыты были израильскими трупами. После этих кровопролитий перед ратниками Эмикона, подвигающимися по направлению к Венгрии, все местное население обращались в бегство. Месбург не пропустил их через свои ворота и отказал им в продовольствии. Большинство этих недостойных крестоносцев погибло под стенами Месбурга после неудачной осады этого города; только немногочисленный авангард из отряда Эмикона достиг Константинополя.

Петр Пустынник проповедует крестовый поход

Наступление на Месбург

Все эти соединившиеся теперь ополчения становились опасными гостями для Алексея; уже несколько домов, дворцов и даже византийских церквей были сожжены и разграблены этими необузданными пилигримами; император заставил их перейти на другую сторону Босфора, и крестоносцы расположились лагерем в окрестностях Никомедии. В скором времени возникли несогласия между французами, итальянцами и германцами. Последние под предводительством Ренальда двинулись к Никее, отняли у мусульман крепость Эксерогорго, но вскоре после того, осажденные турками, все почти погибли под ударами их мечей. Узнав о печальной участи итальянцев и германцев, французы потребовали от своего предводителя Готье, чтобы он повел их навстречу неприятелю, для того чтобы отомстить за своих братьев-христиан. Готье отговаривал их от этого, но его благоразумные доводы были встречены общим ропотом. Яростные крики толпы заставили его уступить, и отряд в беспорядке двинулся к Никее. Немедленное поражение его было наказанием за это возмущение. Готье, который был бы достоин предводительствовать лучшими воинами, пал, сраженный семью стрелами. Петр Пустынник, который давно уже лишился доверия крестоносцев, возвратился в Константинополь еще прежде битвы. С этой минуты отшельник не выдавался из ряда прочих лиц, принимавших участие в крестовом походе; он был едва замечен на войне, которую он вызвал силой своего красноречия.

Такова была участь 300 000 крестоносцев, вышедших из Европы. Прискорбно, но не удивительно было услышать о бедствиях, постигших эти передовые отряды, которыми не руководили ни законы, ни добродетели, ни дисциплина и которые создались, так сказать, из пены

взволнованного западного строя. Но эти несчастья не возбудили отчаяния в предводителях крестового похода; более правильно сформированные и более одушевленные христианским духом войска должны были оказаться более грозными борцами с Востоком, чем скопища и отряды, распавшиеся или уничтоженные в Болгарии, Венгрии и Вифимии. Теперь только мог начаться настоящий крестовый поход; теперь только откроется перед нами борьба за Крест во всем ее героическом и настоящем смысле.

Во главе христианских армий является сначала Готфрид Бульонский герцог Лотарингский, из рода графов Бульонских, происходящий по женской линии от Карла Великого. Очень еще юный, он успел уже отличиться на войне между папой и германским императором и в борьбе против папы, защищая дело антипапы Анаклета; но эта служба была признана святоотечественной, и он должен был искупить свои преступные подвиги путешествием в Иерусалим. По свидетельству летописцев, Готфрид соединял в себе мужество и добродетель героя с простотой отшельника; он обладал большой физической силой и отличался благоразумием, воздержанием и искренним благочестием. Глубокий ум придавал ему такое нравственное превосходство, которое прямо указывало в нем главного и настоящего предводителя крестового похода. По призыву герцога Лотарингского все высшее сословие французское и прирейнское предоставило свои богатства для снаряжения экспедиции.

Под знаменами Готфрида собралось восемьдесят тысяч пехоты и десять тысяч человек конного войска. Он выступил в поход через восемь месяцев после Клермонского собора, в сопровождении брата своего Евстафия Бульонского, другого брата, Балдуина, и двоюродного брата Балдуина Бурского; при нем были еще Балдуин граф де Геннегау, Гарнье граф де Грэ, Конон де Монтегю, Дюдон де Гутц, братья Генрих и Готфрид Гашские, Рено и Пьер Тульские, Жерар Керизийский, Гуго де Сен-Поль и сын его Энгельран. Эти предводители вели за собой множество других рыцарей. Армия Готфрида Бульонского встретила помощь и получила продовольствие в тех же самых странах Венгрии и Болгарии, где воины Петра Пустынника, Готшалка и Эмикона возбудили только недоверие и подверглись всякого рода бедствиям.

Франция, между тем, вооружала новые войска для поддержания священной войны. Граф Гуго, брат Филиппа I, соединил под своими знаменами пилигримов Вермандуаских. Роберт по прозвищу Курт-Гез, герцог Нормандский, старший сын Вильгельма Завоевателя, был во главе своих вассалов; не имея достаточно средств, чтобы содержать войско, он заложил Нормандию брату своему Вильгельму Рыжему, не очень заботившемуся о делах на Востоке. Другой Роберт, граф Фландрский, сын Роберта, прозванного Фризоном, предводительствовал фризами и фламандцами. Стефан граф Блуаский и Шартрский, замков у которого было столько же, сколько дней в году, также присоединился к делу крестоносцев. За этими четырьмя вождами последовала толпа рыцарей и вельмож, между которыми история упоминает о Роберте Парижском, Эвранде Пуизейском, Ашарде Монмерльском, Изуарде Мюзонском, Стефане графе Альбмарльском, о Готье Сен-Валерийском, Рожере Берневильском, о двух знаменитых бретонцах, Фержане и Кононе; о Ги Трюсельском, Миле Брейском, Рауле Божансийском, о Ротру, сыне графа Першского; об Одоне, епископе Байеском, дяде герцога Нормандского; о Рауле Гадерском, Иве и Альберике, сыновьях Гуго Гранменильского. Все эти французские отряды перешли через Альпы с намерением отплыть на судах из одного из итальянских портов.

При слухах о проходе французских крестоносцев взволновалась и Италия. Боэмунд, князь Тарентский, сын Роберта Гискара, пожелал также разделить честь и опасности священного предприятия. Это был человек ловкий, храбрый и честолюбивый, полный ненависти к греческим государям, он радовался при мысли, что будет переходить через их империю во главе целой армии. Без сожаления готов он был отдать свое маленькое Тарентское владение за надежду покорить царства на Востоке. Боэмунд был со своим братом и со своим дядей Рожером при осаде Амальфи; он сам выступил проповедником крестового похода, и лагерь осаждающих огласился вслед за тем криками: «Этого хочет Бог! Этого хочет Бог!» И вот вой-

ско отходит от стен Амальфи, и Боэмунд провозглашается предводителем новой армии пилигримов. С 10 000 всадников и 20 000 пехоты он садится на суда и отправляется в Грецию; славнейшие рыцари Апулии, Калабрии и Сицилии последовали за князем Тарентским. Между знатнейшими спутниками сына Роберта Гискара были Ричард, князь Салернский, и брат его Ранульф, Герман Канийский, Роберт Гозский, Роберт Сурдевальский, Роберт, сын Тристана, Буаль Шартрский, Гумфрид де Монтегю и знаменитейший из всех – Танкред, рыцарский героизм которого воспели поэты и прославили историки. Адемар Монтейльский и Раймунд, граф Сен-Жильский и Тулузский, были избраны вождями крестоносцев из южных провинций. Епископ Адемар, первым принявший крест на Клермонском соборе, получил от папы Урбана II титул апостольского легата, духовного вождя крестового похода. Митра духовного владыки и рыцарский шлем были попеременным его облачением; он был образцом, опорой и утешителем всех ополчившихся в священный поход.

Раймунд Сен-Жильский обагрил свой меч кровью мавров в Испании. В нем уже не было первого пыла молодости, но и в преклонных годах он отличался неустрашимостью и непоколебимой твердостью характера. Он простился со своими обширными многочисленными владениями на берегах Роны и Дордоны и отправился на Восток в сопровождении знатнейших владетелей из Гаскони, Лангедока, Прованса, Лиможа и Оверни. Летописцы упоминают между ними Ираклия графа де Полиньяка, Вильгельма Сабранского, Элезара Монтредорского, Пьера-Бернара Мотальякского, Элезара Кастрийского, Раймунда Лилльского, Пьера-Раймунда Готпульского, Гуссье Ластурского, Вильгельма V, владельца Монпелье, Рожера графа Фуаского, Раймунда Пеле, владельца Алеского, Изуарда графа Дийского, Рембота графа Оранжевого, Вильгельма графа Форезского, Вильгельма графа Клермонского, Жерарда, сына Гильяберта, графа Руссильонского, Гастона виконта Беарнского, Вильгельма-Аманжье Альбертского, Раймунда VI графа Тюренского, Раймунда виконта Кастильонского, Вильгельма-Дюржела графа Форкалькверского. Епископы Аптский, Лодевский, Оранжевый, архиепископ Толедский были во главе своих вассалов, как и епископ Адемар. Армия Раймунда Сен-Жильского состояла из ста тысяч крестоносцев; она перешла через Альпы, Ломбардию, Фриуль, Далмацию и вступила в пределы греческой империи.

Алексей Комнин искал помощи на Западе в защиту от вторжения мусульман, но, по мере того как князья-крестоносцы подвигались со своими войсками к Константинополю, Алексей начинал опасаться многочисленности своих освободителей. И этому наплыву народов на его владения он противопоставил политику хитрости, коварства и подкупа. Он трепетал на своем ветхом престоле; и в самом деле, если бы не было благочестивого Готфрида, который не допустил нарушения присяги, принятой перед крестовым походом, то латинские знамена развевались бы уже с тех пор на стенах Византии.

С помощью подарков и низкой угодливости Алексей пользовался-таки временным уважением латинских князей, за исключением Танкреда, пребывавшего нечувствительным к оболъщениям императорского двора. Но ради обеспечения мира Алексей не отступил ни перед каким унижением, ни перед каким обещанием. Однако же он успокоился не прежде того, как все эти пришельцы с Запада перешли по ту сторону Босфора.

Начиналась весна 1097 г., когда воины креста вступили в Вифинию; на пути к Никее они увидели замок Эксерогорго, ставший могилой для предприимчивых спутников Ренальда и полем битвы, на котором непокорный и своевольный отряд Готье был истреблен мусульманским оружием. Четыре тысячи работников, вооруженных лопатами и заступами, были заняты теперь разравниванием дороги; железные или деревянные кресты, расставленные на разных расстояниях, обозначали путь, по которому должно было следовать латинское войско.

При приближении крестоносцев султан Кылыч-Арслан (Львиная Сабля) созвал со всех сторон своих поданных и союзников для защиты ислама; он постарался образовать из них войско и укрепить город Никею, на который должны были обрушиться первые удары христиан.

Этот город, столица Вифинии и резиденция Румского султана, был выстроен на берегах Асканского озера, сообщающегося с Мраморным морем. 370 каменных или кирпичных башен защищали двойную ограду его стен, по которым можно было бы прокатить колесницу. Румский султан со своим стотысячным войском расположился на горах близ Никеи. С ужасом должен был он смотреть оттуда на христианскую армию, распространившуюся по долине; эта армия состояла из более чем 100 000 конницы и 500 000 человек пехотного войска.

Крестоносцы решились приступить к осаде Никеи; каждому корпусу армии было отведено свое место, каждому народу – свой участок, окруженный стенами и тыном. Первые дни осады прошли в бесплодных попытках. Но вдруг неприятельский авангард, состоящий из 10 000 всадников, стремительно спускается в долину; крестоносцы, предупрежденные о нападении, остаются в выжидательном положении под оружием. Начинается битва. На помощь помятому сарацинскому авангарду выступают 50 000 всадников под предводительством султана. Почва долины колеблется под натиском двух армий; стрелы сыплются в ряды воинов; воздух оглашается ударами копий и мечей и криками мусульман. Готфрид, брат его Балдуин, Роберт Фландрский, Роберт Нормандский, Боэмунд и Танкред бросаются всюду, где заметна опасность. Битва эта длилась с утра до ночи; победа осталась за христианами, но они потеряли 2000 своих братьев; сарацины же убежали в горы, оставив в долине 4000 убитых.

Освободясь от соседства неприятельского войска, крестоносцы возобновили осаду Никеи. Во время одного из приступов перед христианами является сарацин-гигант, который, стоя на стенах, поражает смертью одного врага за другим, но сам остается невредим от ударов; как бы желая доказать, что он ничего не боится, гигант отбрасывает свой щит, обнажает свою грудь и начинает метать в крестоносцев целями глыбами камни; крестоносцы валятся в бессилии защитить себя. Наконец выступает Готфрид, вооруженный самострелом и в сопровождении двух оруженосцев, которые ограждают его своими щитами; мгновенно вылетает стрела, пущенная его могучей рукой; гигант, пораженный в сердце, падает мертвый на стену в виду обрадованных крестоносцев и неподвижных от страха осаждаемых.

Семь недель уже длилась осада, и тогда только крестоносцы заметили, что мусульмане пополняли свои потери подкреплениями, прибывающими через озеро Асканское, примыкающее к городу с западной и южной стороны. Тогда они послали за лодками и за судами в одну из гаваней Пропонтиды, называемую Сивито (ныне Гемлик); эти лодки и барки поставлены были на телеги, запряженные лошадьми, и в одну ночь, отправленные на них сильного сложения люди, успели подъехать к Никее и пересечь на суда, так что на заре суда с этими неустрашимыми крестоносцами покрывали уже все озеро Асканское. Удивлены и поражены были таким зрелищем защитники Никеи. После нескольких усиленных приступов со стороны крестоносцев, они лишились всякой надежды на спасение; Никея должна была или сдаться, или пасть после последнего приступа, но политика Алексея вырвала из рук латинян эту победу. Между войсками крестоносцев было два греческих отряда под начальством двух воевод, которым поручено было хитростью перехватить Никею в пользу императора. Один греческий офицер пробрался в город и предложил мусульманам подчиниться власти императора Константинопольского, объявив им, что в этом – единственное средство для них избежать мщения со стороны крестоносцев; ему поверили, и мусульмане сдались на его предложение – к великому удивлению и негодованию христиан. Когда они вслед за тем увидели развевающиеся на башнях знамена Алексея. Впрочем, ропот скоро затих. Алексей остался обладателем Никеи.

Император приобрел Никею, но это не удовлетворило его вполне; ему нужен был Танкред, то есть ему нужно было, чтобы этот рыцарь дал клятву быть подчиненным и верным ему. Танкред, уступая просьбам Боэмунда и других вождей, обещал быть верным императору, пока сам император пребудет верным делу крестоносцев. В этом согласии была угроза, но Алексей не мог требовать ничего больше. Впрочем, после всего, что произошло в Никее, искренний союз между греками и латинянами сделался более невозможным; взаимное враждебное чув-

ство между греками и крестоносцами доходило до ненависти и составляло между ними как бы непроходимую бездну.

Глава III

С отбытия из Никеи до прибытия в Антиохию (1097–1098)

алая Азия, в то время еще неизвестная, которая впоследствии поглотила столько западных народов, открылась теперь перед христианскими войсками со своими местностями без проложенных путей, со своими горами и пропастями и со своими дикими обитателями. Крестоносцы, продолжая свой путь к Сирии и Палестине, отбыли из Никеи в 1097 г., 25 июня; через два дня пути подошли они к мосту, построенному на том самом месте, где река Галл впадает в Сангарий, известный ныне под именем Сакарии. Так как им предстояло пробираться теперь по местности пустынной и безводной, то армия разделена была на два корпуса, значительнейшим из которых предводительствовали Готфрид, Раймунд, Гуго Великий и граф Фландрский; во главе другого корпуса были поставлены Боэмунд, Танкред и герцог Нормандский. Войско Готфрида двинулось направо, а войско Боэмунда – налево. После трех дней пути перед войском Боэмунда открылась долина Горгони. И тут внезапно устремляется на него с гор неприятель; султан Кылыч-Арслан после неудачи своей при Никее собрал новые силы; он следовал за крестоносцами, изыскивая случай заставить их дорого поплатиться за взятие его столицы.

Боэмунд делает распоряжение, чтобы были расставлены палатки; мгновенно на берегу реки устраивается лагерь, и здесь располагается слабейшая часть войска. Нападение на него было сильное; неприятель имел превосходство численности, перед которой все чудеса храбрости христианских воинов должны были оказаться бесплодными.

Воины Кылыч-Арслана вторгаются в латинский лагерь, предают избению всех на пути своем, щадя только женщин, которых забирают в неволю. Боэмунд является на поле битвы, и сцена изменяется. Герцог Нормандский, вырвав свое белое знамя, вышитое золотом, из рук человека, несшего его, бросается в толпу сарацин и с криком: «За мною, нормандцы!» – начинает косить мечом своим кровавую жатву в неприятельских рядах. Танкред, который в начале битвы изнемог бы без помощи Боэмунда, с новым жаром и неистощимым мужеством продолжает битву. Уже несколько часов рыцари Креста неутомимо поддерживали неравную борьбу; многочисленность врага уже преодолевала их, когда вдруг тысячи радостных возгласов возвестили о прибытии войска Готфрида: в самом начале битвы Боэмунд отправил гонца, чтобы предупредить герцога Лотарингского. Немного понадобилось времени, чтобы решить, на чьей стороне останется победа.

Вечером, когда битва кончилась, три тысячи высших чинов и более двадцати тысяч низших чинов мусульманского войска лежали убитыми; неприятельский лагерь, расположенный в двух милях за долиной Горгони, перешел во власть победителей. Крестоносцы потеряли 4000 товарищей, тела которых были преданы погребению при пении священных молитв. Битва эта, первая с начала крестового похода, получила название Дорилейской, по причине близости города этого имени, который теперь называется Эскишехир (Старый город).

Христиане, продолжая путь, решились не расставаться более. Это решение было хорошо в том отношении, что усиливало их в случае нападения, но было вместе с тем и неудобно в случае других бедствий, например голода и жажды. Турки позаботились разорить те места, которые не могли защищать; грабежом и пожарами опустошили они ту часть Каппадокии, Исаврии, Фригии, по которой должны были проходить крестоносцы. Путь христианской армии от долины Горгоны до Антиохетты, столицы Писидии, был продолжительным бедствием. Антиохетта открыла перед ними своим ворота; тут оказались пастбища и продовольствие, и армия отдохнула здесь. Во время пребывания ее вокруг этого города она едва не лишилась двух главных своих предводителей: Раймунд Сен-Жильский опасно захворал, а Готфрид, защищая одного крестоносца, на которого напал медведь, победил зверя, но сам был ранен в бедро, к счастью, однако же, не смертельно. Обоих вождей пришлось в продолжение нескольких недель переносить вслед за войском на носилках.

С тех пор как крестоносцы покинули Европу, между ними еще не происходило несогласий, но пришлось испытать и это бедствие. Танкред во главе итальянских воинов, Балдуин, брат Готфрида, – с фламандцами были посланы вперед. Проходя через Ликаонию, они нигде не встретили врага и поспешили достигнуть Киликии. Танкред, шедший впереди, остановился у Тарса и приказал повесить свое знамя на стенах города, бывшего колыбелью св. Павла. Вслед за ним подходит Балдуин и требует, чтобы город был сдан ему, под тем предлогом, что отряд его многочисленнее, чем отряд итальянского героя. Испуганные его угрозами, жители соглашались заменить знамя Танкреда знаменем Балдуина на стенах их города. Брат Готфрида довершает негодование итальянцев отказом принять в городе, предавая таким образом мечу турок, триста крестоносцев, посланных Боэмундом. В таких обстоятельствах воздержанность Танкреда только и могла обуздать ярость итальянцев, которые ограничились тем, что предали мщению своих братьев – тех мусульман, что оставались в башнях города. В это время корсары фландрские и голландские, прослышав о походе христиан, явились в Тарскую гавань; предводитель их Гимер, булонец, узнал Балдуина, сына своего прежнего господина, принял крест вместе со своими товарищами и обещал служить брату Готфрида.

Танкред, удалившись из Тарса со своим отрядом, хотел расположиться лагерем у стен Аданы, крепости в Киликии, которая уже была занята властителем Бургильонским; сложив свои палатки, он двинулся к другому городу, по имени Мальмистра, откуда и выгнал турок. Балдуин, выступив из Тарса, где он оставил гарнизон, также подошел к Мальмистре. При виде фламандских палаток итальянцы, уверенные, что Балдуин захочет воспользоваться и этой их победой, берутся за оружие. Начинается страшная битва между этими двумя христианскими войсками. Отряд Танкреда, уступающий в численности, принужден был отступить. На другой день, однако же, противники помирились во имя религии. Вожди обняли друг друга в присутствии своих войск. Танкред подчинил потом своей власти несколько крепостей в Киликии.

Между тем, главная армия крестоносцев перешла через Иконий и Ираклию; переступив через Тавр, она остановилась на отдых и нашла продовольствие в городе Коксоне (древней Кукузе, прославившейся как место ссылки св. Иоанна Златоуста). Переход из Коксона в Марезию был тяжелым и бедственным; на этом пространстве более восьми или десяти миль не было ничего, кроме колючего кустарника, хвороста, скал и пропастей; не было ни дорог, ни даже проторенной тропинки. Эта часть Тавра была свидетельницей великих бедствий и великого отчаяния. Крепость Марезия, изобилующая всякого рода средствами к жизни, население которой состояло из христиан, была в конце этого пути. Жена Балдуина умерла и была похоронена в этом городе.

В Марезии Балдуин присоединился к христианской армии; он пожелал увидеть собственными глазами, в каком положении был брат его Готфрид. Он был обвинен за свою несправедливость и насилия относительно Танкреда; вследствие ли этого обстоятельства или того, что освобождение Святой земли не было единственной его целью, Балдуин поддался предложе-

ниям одного армянина, искателя приключений, который прельщал его победами на берегах Евфрата; и вот в сопровождении тысячи воинов, которых ему удалось отбить у крестового похода, он отправился основывать в Месопотамии графство Эдесское, которое впоследствии оказалось полезным для латинян. В пространной истории крестовых походов читатель найдет любопытные подробности, которыми сопровождалась эти быстрые завоевания Балдуина.

Артезия, в древности Халкида, город, занятый турками, не замедлил подчиниться власти крестоносцев. Эта крепость была последней из охранявших путь в Антиохию, и мусульмане не пренебрегли ничем, чтобы ее защитить; но они принуждены были удалиться из нее. Оставался еще пункт – мост Оронтский, называемый Железным мост (ныне Герс-ил-Гаддид), оконечности которого были защищены двумя башнями, обшитыми железом. Мусульманские воины заняли эти башни, и весь левый берег Оронта покрылся неприятельскими батальонами. Напрасные преграды, которые должны были рухнуть перед великой христианской армией! Выступив из Артезии, где Танкред присоединился к прочим крестоносцам, армия продвигается в полном порядке. Авангард, предводительствуемый Робертом Нормандским, подходит к Железному мосту и сначала не может пробить себе дорогу; большинство христианских батальонов являются подкрепить отряд Роберта; бросаются на мост. Франки оказываются победителями на обоих берегах Оронта, а турки, ускользая от избиения, быстро скрываются по направлению к Антиохии.

Еще четыре часа пути, и перед армией франков должна была открыться столица Сирии. Вождям известны были грозные укрепления Антиохии; архиепископ Адемар, желая подготовить крестоносцев и придать им бодрости, рассудил не оставлять их в неведении того, что им предстояло осаждать страшный город, стены которого «были выстроены из каменных глыб огромного размера, скрепленных между собою неизвестным и неразрушимым цементом», – город, в котором собраны были со всех сторон враги имени Христова.

Христианская армия перешла на левую сторону Оронта; направо от него было озеро Барэль-Абиад (Белое море); путь, по которому она направилась, называемый у летописцев царским путем, проходит по долине, не имеющей ни одного деревца. Пурпуровые и золотые хоругви развевались на воздухе; позолоченные щиты, каски и кирасы блестели на солнце и неслись вперед, как лучезарное пламя; шестьсот тысяч крестоносцев покрывали долину Умк, которая известна теперь только алеппскому каравану да туркменскому всаднику. Двойное впечатление могло охватить христианскую армию в виду Антиохии: чувство страха при виде громадных стен и гор, защищавших город, и чувство благочестивого умиления перед «городом Божиим» (Феополь), столь знаменитым в истории первых веков христианства.

Глава IV Осада и взятие Антиохии (1097–1098)

Антиохия была окружена стенами на пространстве четырех миль в окружности; над ней с юга возвышались четыре холма, заключенные в городских стенах; с севера вблизи от укреплений протекала река Оронт; с этой стороны укрепления были не так грозны, как в других частях города, потому что Оронт служил уже естественной защитой. В Антиохии было 130 башен. Стены были увенчаны зубцами, которых, по свидетельству арабского летописца, было 24 000. Когда крестоносцы подошли к Антиохии, минуло уже 14 лет, как она перешла от владычества греков под владычество мусульман. В городе тогда находилось множество сарацин, которые, испугавшись приближения латинян, сбежали сюда из окрестных земель, чтобы вернее укрыться со своими семействами и имуществом. Туркменский эмир Башзиам или Акциан, получивший верховную власть над городом, заперся в нем с 7000 конных воинов и 20 000 человек пехоты.

Осада Антиохии была решена, несмотря на приближение зимы. Боэмунд и Танкред раскинули свой лагерь на высотах, находящихся недалеко от восточных ворот, или ворот св. Павла; направо от итальянцев, на плоскости по левому берегу Оронта до Собачьих ворот, расположились два Роберта, Стефан граф Блуаский, Гуго граф де Вермандуа с их нормандцами, фламандцами и бретонцами; далее, к северу от города, размещались граф Тулузский и епископ Пюизейский со своими провансальцами; войско же Раймунда занимало весь промежуток от Собачьих ворот до следующих ворот, названных впоследствии воротами Дюка. Тут начиналось размещение войска Готфрида, которое достигало ворот Моста; таким образом, оно простиралось до того места, где Оронт омывал стены Антиохии. Вследствие такого распределения крепость была обложена с трех сторон: с востока, с северо-востока и с севера. С юга же крестоносцы не могли обложить город, потому что тут лежала неприступная гористая местность. Осаждающим был бы очень полезен пункт к югу от Антиохии, потому что им были бы замкнуты западные ворота, или ворота св. Георгия, через которые мусульмане могли выходить и получать продовольствие, но для этого им пришлось бы перейти через Оронт. Таково было лагерьное расположение христианского войска.

Из 600 000 пилигримов насчитывалось 300 000 способных к военному делу. Какое величественно зрелище представляло это громадное множество палаток, эти многочисленные вооруженные легионы и вся эта масса народа, прибывшего с Запада! Какая грозная сила для осажденных!

В первые дни осады крестоносцы были так уверены, что ужас принудит осажденных открыть ворота города, что сами предавались бездействию; осенняя пора доставляла им обильную пищу; зеленеющие берега Оронта, рощицы Дафны, прекрасное сирийское небо располагали их к удовольствиям; беспорядок и бесчинство появились среди христовых воинов. Турки в разных вылазках убили и забрали в плен множество пилигримов, скитавшихся по окрестностям. Желая отомстить за смерть товарищей, крестоносцы задумали взять город приступом,

но у них не было лестниц и боевых машин. Они построили мост на ладьях, чтобы воспрепятствовать набегам мусульман на противоположный берег. Христиане позаботились загородить осажденным все проходы. Они старались разрушить мост, построенный на болоте, напротив Собачьих ворот, через который мусульмане обыкновенно выходили; после многих бесплодных усилий они поставили там громадную башню, которую неприятели подожгли, и она обрушилась. И не удалось иначе пилигримам загородить этот проход, как притащив руками к самым Собачьим воротам громадные каменные глыбы и самые толстые деревья, срубленные в соседних лесах.

Между тем, отважные рыцари бодрствовали вокруг лагеря. Танкред, подстерегавший врагов в засаде, напал однажды на шайку сарацин, и семьдесят голов скатились под его ударами. В другой раз Танкред, прохаживаясь по окрестностям с одним только оруженосцем, познакомил множество сарацин с непреодолимой мощью своего меча, но, движимый поразительной героической скромностью, славный рыцарь приказал своему оруженосцу никому не рассказывать о подвигах, которым тот был свидетелем.

Вылазки осаждаемых становились реже; но крестоносцы, за отсутствием боевых машин, не могли решиться на приступ. Таким образом, все эти гордые рыцари осуждены были ждать победы от отчаяния турок или от милости Божией. Вскоре началась зима; продовольствие, назначенное на несколько месяцев, было уничтожено в несколько дней. В лагере появился беспощадный голод; дождевые потоки наводнили палатки, так что этот лагерь, недавно еще оживленный весельем, представлял теперь крайне печальное зрелище. Решено было предпринять экспедицию в соседние страны, чтобы добыть съестных припасов. После праздников Рождества тысяч 15 или 20 пилигримов под предводительством Боэмунда и Роберта Фландрского направились в область Харим, находящуюся в нескольких милях к юго-востоку от Антиохии, и скоро возвратились со множеством коней и верблюдов, навьюченных съестными припасами. Не много понадобилось времени, чтобы истощились эти припасы; были сделаны новые набеги, которые ничего не доставили лагерю. Ежедневно холод, голод и разные болезни усиливали страдания армии и рыли новые могилы для новых жертв. Недоставало священников, чтобы отпевать умерших, и места не хватало для могил. Летописцы, описывая опустошения, производимые голодом, изображают рыцарей бледными, в лохмотьях, вырывающими острием оружия корни растений, вытаскивающими из полевых гряд новые посева и оспаривающими дикие травы у выючных животных. От неимения надлежащей пищи почти все боевые кони погибли. Их насчитывалось вначале осады до 70 000; теперь оставалось их не более 2000, и те еле-еле бродили вокруг палаток, истлевших от зимних дождей.

Ко всем этим бедствиям присоединились побег из лагеря. Герцог Нормандский, удалившийся в Лаодикею, возвратился к воинству только после трех убедительных призывов во имя Иисуса Христа и религии. Бегство Вильгельма Шарпантье (Плотника) и Петра Пустынника произвело позор и уныние. И неслыханная противоположность! Среди самой ужасной нищеты появился разврат; в палатках крестоносцев воцарились рядом голод и разврат. Епископ Адемар громил своим строгим словом развратников и святотатцев; из главных военных и духовных начальников был снаряжен суд, чтобы преследовать и предавать наказанию виновных.

Приближение весны оживило надежды христианского воинства; болезни уменьшились; в лагерь доставлялось продовольствие от графа Эдесского, от князей и монахов армянских, с островов Кипра, Хиоса и Родоса. Готфрид, который по случаю опасной раны долго не мог выходить из палатки, явился наконец в лагерь, и присутствие его произвело оживление среди общего упадка духа. В это время прибыли в христианский лагерь послы от египетского халифа. Христиане, желая скрыть от врагов-мусульман свое бедственное положение, постарались окружить великолепием свою обстановку и выказывали веселое настроение духа. Послы предложили им содействие халифа на том условии, чтобы христианское войско ограничилось простым поклонением гробу Иисуса Христа. Франкские воины отвечали, что они пришли в Азию

не для того, чтобы подчиняться каким-либо условиям, но что целью их путешествия в Иерусалим было освобождение священного города. Почти в это же время Боэмунд и Роберт Фландрский одержали победу над князьями Алеппским, Дамасским, Шайзарским, Эмесским, которые выступили в путь на помощь Антиохии. Крестоносцы не скрыли и этого последнего торжества от каирских послов, готовых к отплытию из порта св. Симеона; на четырех верблюдах были препровождены к ним головы и останки двухсот мусульманских воинов.

Прибытие в порт св. Симеона пизанского и генуэзского флота было поводом к кровопролитным столкновениям. Толпы пилигримов, не имевших иной защиты, кроме меча Боэмунда и графа Тулузского, присоединились к европейскому флоту, снабженному продовольствием; но на обратном пути от моря в лагерь антиохийский эта толпа была настигнута мусульманами. Около тысячи христиан погибло, остальные, преследуемые турками, также не избежали бы смерти, если бы Готфрид и другие вожди не поспешили на помощь пилигримам, узнав об их поражении. Неприятель поспешил перейти через мост, чтобы возвратиться в Антиохию, но христиане успели перехватить эту дорогу; сверх того, те, кто бежал сначала к Черным горам на севере Антиохии, возвратились, чтобы возобновить битву, и мусульмане, заключенные таким образом и стиснутые между Оронтом и горами, видели перед собой неминуемую гибель. Акиан, правитель города, наблюдавший из башен, возвышающихся над его дворцом, и с высоты укреплений, видя гибельное положение мусульман, немедленно послал к ним подкрепление и, затворив за своими воинами ворота, ведущие к мосту, объявил им, что они должны или победить, или умереть. Тогда началось избиение мусульман, рассказанное в летописях очевидцев с ужасающими подробностями. Это избиение происходило на холме против самого моста, который теперь, как и тогда, служит кладбищем для турок. Волны Оронта вокруг моста были как бы задержаны в своем течении загроможденными их трупами.

После этого побоища крестоносцы выстроили на этом холме укрепление, которое было поручено храброму графу Тулузскому; оно препятствовало мусульманам выходить из города воротами моста и открыло для крестоносцев безопасное сообщение с правым берегом Оронта.

Оставались у осажденных еще одни городские ворота, через которые они могли получать продовольствие и пользоваться свободным движением по левому берегу Оронта; сюда не проходил еще ни один крестоносец. Они были с западной стороны и назывались воротами св. Георгия. Вожди рассудили, что необходимо устроить возможность нападения отсюда, и пришли к тому заключению, что следовало захватить позицию вокруг этих западных ворот; но это было сопряжено с большой опасностью, и некоторые из предводителей войска отказывались брать на себя такое дело. Тут выступил Танкред; но у знаменитого рыцаря не хватало денежных средств, чтобы осуществить это предприятие; тогда граф Тулузский дал ему 100 марок, и остальные вожди помогли, каждый по возможности. На холмике вблизи ворот св. Георгия возвышался монастырь того же имени; Танкред приказал его укрепить и, поддерживаемый избранным отрядом воинов, сумел продержаться на этом важном посту.

Таким образом, в руках у христиан оказалась вся внешняя сторона крепости; надежда и рвение воодушевляли крестоносное воинство; дисциплина была восстановлена и придала силы войску. Даже нищие и бродяги, толпа которых увеличивала беспорядок и затрудняла военные действия, были теперь заняты осадными работами и числились на службе, под начальством так называемого «командира» или «царя сволочи» (*roi traund* или *roi des gueux*).

Все антиохийские ворота были заперты, битвы были приостановлены; между тем, с обеих сторон продолжалась война, выражавшаяся в варварских действиях. Ярость турок обрушилась в особенности на пленников. История сохранила имя одного пленного христианского рыцаря, Раймунда Порше, который был выведен на городские укрепления и которому угрожали смертью, если он не убедит крестоносцев выкупить его деньгами. Обращаясь к осаждающим, Раймунд Порше умоляет их смотреть на него как на человека умершего, не жертвовать ничем ради его спасения и продолжать осаду города, который не мог уже долго выдерживать ее. Пра-

витель Антиохии, узнав, что он говорит, требует, чтобы рыцарь немедленно принял ислам; он объявляет, что осыплет его дарами и почестями, если он на это согласится, в противном же случае велит отрубить ему голову. Вместо всякого ответа благочестивый рыцарь, скрестив руки и обратив глаза к востоку, преклоняет колена – и голова его скатывается со стен... Прочие христианские пленники в тот же день были сожжены на костре.

Однако же и осаждающим пришлось страдать от голода. Акиан предложил перемирие, на которое последовало неблагоприятное согласие. Во время этого перемирия между вождями произошли распри по поводу богатых подарков, присланных вождям и воинству Балдуином, графом Эдесским. Крестоносцы свободно проходили внутрь крепости, а сарацины бывали в лагере латинян. Вскоре убийство одного рыцаря, по имени Валлон, подало повод к нарушению перемирия, и осада возобновилась.

Однако же не посредством терпения и храбрости была покорена Антиохия; после семи-месячных тяжелых трудов только посредством хитрости и побуждаемые честолюбием крестоносцы достигли успеха своего дела. Боэмунд, увлеченный на Восток не ради духовных, но ради светских целей, смотрел не без зависти на то, что счастье благоприятствовало Балдуину; он замыслил овладеть Антиохией и случайно встретил человека, который мог помочь ему прибрать в свои руки эту крепость. Это был один армянин по имени Пирруз, сын фабриканта кирас; человек подвижного и тревожного нрава, он перешел из христианства в ислам, чтобы поправить свои дела. Он приобрел доверие Акиана, который принял его даже в свой совет. Пирруз заведовал тремя городскими башнями, которые поначалу усердно защищал; но бесплодная служба ему надоела, а он был не такой человек, чтобы отступить перед изменой, если она могла доставить ему выгоды.

Пирруз и Боэмунд поняли друг друга с первого взгляда. Князь Тарентский пообещал отступнику от веры много заманчивого. Чтобы убедить Боэмунда в своей преданности и оправдать свою измену, Пирруз рассказал, что ему явился во сне Иисус Христос и посоветовал предать Антиохию в руки христиан. Когда Боэмунд условился с Пиррузом, каким образом исполнить задуманное ими предприятие, он предложил собраться главным предводителям христианской армии; он представил им все бедствия, которые они уже вынесли, и те, которые угрожали им в будущем, и заключил словами, что совершенно необходимо войти в Антиохию, что не следует быть разборчивыми в средствах для одержания этой победы. Многие вожди поняли тайное побуждение, которым руководствовался Боэмунд, и возразили ему, что несправедливо было бы допустить, чтобы один человек воспользовался общими трудами; восстали и против того, чтобы овладеть крепостью посредством какой-нибудь уловки или коварства, изобретением которых свойственно пробавляться женщинам.

Боэмунд, которого история прозвала Улиссом латинян, не отказывается, однако же, от своего замысла; он начинает распространять самые тревожные слухи. Христиане узнают, что Кербога, властитель Мосульский, приближается к Антиохии с 200 тысячами войска, поднявшегося с берегов Тигра и Евфрата. Вожди снова собираются на совет; Боэмунд предупреждает о великих опасностях, угрожающих крестоносцам. «Время не терпит, – говорит он, – торопитесь действовать: завтра, может быть, будет поздно». Он объявляет вождям, что знамя крестового похода может уже через несколько часов развеяться на стенах Антиохии, и показывает письма Пирруза, который обещает предать им три башни, которыми он заведует, но только с условием не иметь дела ни с кем, кроме Боэмунда, и чтобы ценой этой услуги было предоставление города во власть Боэмунда; между тем, опасность с каждым днем увеличивается; бежать – позорно, предпринимать битву – безрассудно. Эти слухи встревожили всех и заставили умолкнуть все личные интересы соперников. Все вожди, исключая непоколебимого Раймунда, согласились предоставить Боэмунду главенство в деле покорения Антиохии; князь Тарентский назначил осуществление этого предприятия на следующий день.

Чтобы усыпить вполне бдительность осаждаемых, крестоносцы за несколько часов до наступления ночи вышли из лагеря как будто бы с целью направиться навстречу эмиру Мосульскому по той дороге, откуда его ожидали. Ночью же они тихо подкрались к стенам Антиохии с западной стороны и стали близ башни Трех сестер, которой заведовал Пирруз. Пользуясь темнотой ночи, когда гарнизон антиохийский был погружен в глубокий сон, один ломбардец по имени Пайен, посланный Боэмундом, взбирается по кожаной лестнице на башню Трех сестер; Пирруз извещает его, что все готово и что ради обеспечения успеха дела он только что убил одного из своих братьев, которому он не доверял. По той же лестнице взбирается и сам Боэмунд, за ним следуют еще несколько воинов. Скоро целые батальоны наводнили антиохийские улицы. Более 10 000 городских жителей погибли в эту ночь. Акцииан ускользнул через маленькие ворота на северо-восточной стороне города, но был узнан армянскими дровосеками, которые отрубили ему голову и доставили ее новым властителям Антиохии. Едва только рассвело, зная Боэмунда уже развевалось на одной из самых высоких башен города.

Эта измена не доставила Пиррузу ни славы, ни счастья: сделавшись снова христианином, он последовал за крестоносцами в Иерусалим и умер через два года, перейдя опять в мусульманство и презираемый со стороны и христиан, и мусульман, которым он поочередно служил и изменял.

Таким образом взята была Антиохия в начале июня 1098 г. Осада длилась около восьми месяцев. Победу отпраздновали пиршествами и танцами; но еще тяжелые дни предстояли победителям сирийской столицы. Осажденные, в свою очередь, армией Кербоги, они подверглись всем ужасам голода. Разнесся слух, что император Алексей выступил в Малую Азию и дошел до Филомелия, чтобы оказать помощь крестоносцам в Антиохии, но, обманутый рассказами об отчаянном положении пилигримов, возвратился в Константинополь.

Антиохия была взята, но цитадель города, стоявшая на третьем холме на востоке, осталась во власти турок. Через малые северо-восточные ворота, оставшиеся свободными, гарнизон цитадели получал ежедневно подкрепление из армии Кербоги и успевал делать опустошительные вылазки на самых улицах Антиохии. Но этот вызывающий образ действий был напрасен! Голод довел христиан до рокового, мертвенного равнодушия, и спасение их должно было произойти из самой крайности их бедствий. Однажды один бедный священник из Марселя по имени Бартелеми явился в совет вождей и рассказал, что три ночи сряду он видел во сне св. апостола Андрея и что апостол повелел ему пойти в церковь св. Петра в Антиохии, раскопать землю вокруг главного алтаря, чтобы найти железо того копья, которым было прободено бедро Искупителя, и сказал, что это священное железо следует нести впереди армии на пути ее и что оно дарует победу христианскому оружию. Копье действительно было найдено в указанном месте; вид священного железа воодушевил всех верой, надеждой, радостью и силой. Эти толпы людей, казавшихся призраками, помертвевшими от голода, превратились внезапно в непобедимый народ. Решено было вступить в бой с Кербогой, шатры которого покрывали берега Оронта и возвышенности к востоку от Антиохии.

Выступив из ворот Моста, христианская армия, разделенная на 12 корпусов, растянулась в боевом порядке таким образом, что заняла всю долину от ворот Моста до Черных гор, находящихся на один час расстояния к северу от Антиохии. Приняв такую позицию, христиане должны были воспрепятствовать неприятелю овладеть доступами к крепости или окружить их. Вскоре трубы подали сигнал к битве, и знаменосцы открыли шествие. Те самые христиане, которые только что изнемогали от голода, с истинно чудным рвением устремились на бесчисленные батальоны эмира Мосульского. Победа осталась за воинами Креста; никогда еще человеческое мужество не производило ничего подобного. По сказаниям историков, 100 000 мусульман пали мертвыми в долине, которая отделяет Антиохию от Черных гор, по обоим берегам Оронта и по Алеппской дороге. Кербога был обязан своим спасением лишь быстроте

своего коня. Крестоносцев погибло 4 000. Военная добыча этого дня была громадная. Понадобилось несколько дней, чтобы перенести в город все оставшееся после побежденных.

Первой заботой крестоносцев после их победы было восстановить поклонение Иисусу Христу; часть сокровищ, отнятых у сарацин, послужила на украшение святых храмов. Затем князья-предводители, патриарх Антиохийский и латинские духовные высшие власти послали письма к западным народам, в которых поведали им о трудах и победах пилигримов.

Глава V

После отбытия из Антиохии до прибытия в Иерусалим (1099)

обедоносное христианское воинство пожелало немедленно выступить в Иерусалим; предводители же решили переждать, чтобы прошла летняя жара и наступила осень. Подобными причинами для замедления не имели, однако же, обыкновения руководствоваться князья и бароны. Действительным же их побуждением были честолюбивые планы, заставлявшие их забывать благочестивую цель крестового похода. Первым несчастным последствием замедления отбытия армии из Антиохии была смерть огромного числа пилигримов, среди которых распространилась ужасная эпидемическая болезнь, похитившая в продолжение одного месяца до 50 000 жертв. Печальнее всего была смерть епископа Адемара, останки которого были преданы погребению в храме св. Петра. Вид общего горя, зрелище стольких погребений не рассеяли честолюбивых замыслов лиц, стоящих во главе похода. Счастье, благоприятствовавшее Балдуину графу Эдесскому и Боэмунду князю Антиохийскому, было как будто соблазном для прочих вождей армии; оно возбуждало в них кипучую зависть. В день поражения Кербоги Раймунд Тулузский водрузил свое знамя на стенах цитадели и отказывался передать ее Боэмунду.

Для того чтобы вывести войска из зараженной эпидемией местности и, отчасти, увлекаясь военными приключениями, предводители рассеялись по разным соседним странам. Раймунд Тулузский начал осаду Маарры, крепости, расположенной между Хамой и Алеппо. Жители защищались с ожесточением. Раймунд, при содействии графов Фландрского и Нормандского, вел в продолжение нескольких недель кровопролитные битвы. Взятие Маарры сопровождалось избиением всего мусульманского населения. Между тем, между христианами-победителями снова возник голод; доведенные до крайности, многие из них решались на ужасные меры. Обладание Мааррой сделалось предметом новых распрей. Раймунд требовал в свою пользу это завоевание. Толпы пилигримов, утомленные этими раздорами, принялись разрушать крепость. В скором времени пожар довершил истребление, начатое народом. Раймунд, в сопровождении двух Робертов, с грустью покинул Маарру, перешел через землю Эмесскую, через Ливанские горы и расположился лагерем близ Архаса, крепости в Финикии.

Разные завоевательные предприятия вождей в соседних странах только раздражали нетерпение христианского ополчения, стремившегося идти исполнить свой обет. Когда же наступила осень, то поход был снова отложен под предлогом позднего времени и зимних дождей. Наконец, отбытие из Антиохии было назначено на март 1099 г. В определенное время Готфрид и граф Фландрский выступили в Лаодикею; Боэмунд провожал их до этого города, но поспешил возвратиться в Антиохию, опасаясь потерять тут свое главенство. Продолжая путь, Готфрид и Роберт Фландрский взяли Тортоссу, начали осаду Джебеля, но покинули вскоре этот город, и затем вся армия соединилась под стенами Архаса, осада которого уже была начата Раймундом.

Во время этой осады возникли сомнения насчет открытия священного Копья. Чтобы покончить с этими толками, священник Бартеlemi решился подвергнуться огненному испытанию. В обширной долине был приготовлен костер. В присутствии христианской армии марсельский священник, облаченный в простую тунику, держа в руках священное железо, обернутое в шелковую материю, вошел на пылающий костер и через минуту вышел из пламени. Бартеlemi умер через несколько дней после этого, упрекая своих усердных приверженцев, что они подвергли его необходимости доказывать истину своих слов посредством такого страшного испытания.

В то время как крестоносцы осаждали Архас, к ним прибыли два посольства: одно – от императора Алексея, которому они сделали не очень лестный прием, другое – от халифа Каирского. Этот халиф только что сделался властителем Иерусалима и давал знать христианам, что ворота священного города будут отперты не иначе как перед обезоруженными пилигримами. Воины Креста с презрением отнеслись и к предложениям, и к угрозам египетского халифа. Армии был подан сигнал поспешного выступления в Иерусалим.

В христианской армии, состоявшей из 300 000 воинов под стенами Антиохии, теперь насчитывалось не более 50 000, но войско это, за которым уже не следовала толпа бесполезного сброда, составляло грозное ополчение. Эмир Трипольский, побежденный после кровопролитной битвы, откупился данью, чтобы спасти свою столицу. Пилигримы перешли через владения бейрутские, тирские и сидонские, не встречая на своем пути неприятеля. Правители прибрежных городов посылали им продовольствие и заявляли о своем миролюбии и покорности. Богатая Финикийская страна, раскрыв свои сокровища перед крестоносцами, произвела на них радостное впечатление: земля обетованная предстала перед ними во всей прелести; ливанские христиане явились приветствовать своих братьев и избавителей. Армия ликовала и, оживленная святой надеждой, сделалась образцом дисциплины и благочестивого единения. Проходя через Птолемаиду, крестоносцы получили обещание от эмира этого города подчиниться их власти, если они покорят Иерусалим. Гора Кармил, Кесария, Лидда и Рамла представились глазам крестоносцев одна за другой, и все эти местности, полные священными воспоминаниями, признали владычество латинян. Но вот что представляется почти невероятным: в Рамле предводители вдруг возбудили вопрос, идти ли им осаждать Дамаск или предпринять осаду Каира. Воины Креста были уже только в десяти милях от Иерусалима, и мужество их как будто поколебалось в ту минуту, когда они приближались к городу, где должна была осуществиться цель их тягостного и славного похода. Однако же страх был скоро заглушен воспоминанием о стольких подвигах и также о близости Святых мест. Единогласно было решено приступить к осаде Иерусалима.

Ночь накануне прибытия христианской армии в Иерусалим была проведена без сна. Сколько стран было пройдено ими, скольким бедствиям подверглись они, чтобы достигнуть этой святой цели крестового похода! В их благочестивом нетерпении им казалось, что эта ночь тянется слишком долго. Когда показалась утренняя заря, не один из крестоносцев опередил знамена. Иерусалим не открывается издали; его можно увидеть, только когда уже совсем приближаешься к нему; в продолжение нескольких часов глаза 60 000 пилигримов, пробирающихся по горам Иудейским, были неотступно устремлены туда, откуда должна была открыться перед ними Масличная гора... Велик был их восторг, радостны были их слезы, когда, наконец, показали стены и башни того города, который вмещал в себе Голгофу! Всадники сошли со своих коней и пошли босые; стоны, вопли, преклонения, молитвы и тысячекратно переливающийся возглас «Иерусалим!» служили выражением трогательного и восторженного благоговения воинства Святого креста.

Глава VI Осада и взятие Иерусалима (1099)

Иерусалим, город еврейских царей, пророков и Христа, Спасителя мира, столько раз прославленный и столько раз разоренный, имел во время первого крестового похода то же пространство, ту же окрестность и тот же вид, что и в настоящее время. Характер местности был также тот же самый; тогда, как и теперь, смоковница, масличное и терпентинное деревья составляли скудную растительность иерусалимской почвы. Природа вокруг священного города представилась спутникам Готфрида такой же, как и нам, неизвестным путешественникам новейших времен, – безмолвной, суровой, мертвенной. Над ней как будто навек суждено тяготеть проклятиям Священного писания. Впрочем, следует заметить, что печальная картина этих бесплодных гор находится в соответствии с судьбой Иерусалима: как не омертветь природе вокруг того места, где принял смерть сам Бог, Творец ее?..

Обозначим прежде всего расположение христианского лагеря. Плоская местность северной части Иерусалима, покрытая масличными деревьями, представляет единственное подходящее место для лагеря. На этой площади, к северо-северо-востоку от Иерусалима, и раскинули свои палатки Готфрид Бульонский, Роберт Нормандский и Роберт Фландрский; против лагеря, с этой стороны, были ворота, называемые теперь Дамасскими, и другие, малые ворота, Иродовы, которые теперь заделаны. Танкред расположился на северо-западной стороне против ворот Вифлеемских; затем, палатки Раймунда Тулузского были расставлены на возвышенности, называемой теперь холмами св. Георгия; между ними и стенами города находилась узкая долина Рефраимская и обширный, глубокий пруд. Такая позиция была не совсем благоприятна для осады. Поэтому граф Тулузский решил перевести часть своего лагеря на гору Сион, к югу от города. На востоке же были долины, или, вернее, глубокие овраги, Иосафатовы и Силоамские, которые не позволяли ни стать лагерем, ни приступить к осаде города с этой стороны.

Иерусалим с южной стороны

Египетский гарнизон, защищавший Иерусалим, состоял из 40 000 человек. Взялись за оружие и 20 000 городских жителей. Толпы мусульман с берегов Иордана, Мертвого моря и из других окрестных стран собрались также в столице Иудеи, ища здесь прибежища или с целью присоединиться к защитникам города. Имамы ходили по улицам Иерусалима, убеждая и призывая к мужеству защитников ислама и ободряя их обещанием победы во имя Пророка.

В первые дни осады в христианский лагерь явился один отшельник с Масличной горы и посоветовал им начать приступ всеми силами разом. Крестоносцы, поверив чудесным обещаниям отшельника, решились сделать приступ к стенам. К сожалению, одного только мужества и восторженного настроения духа недостаточно было, чтобы разрушить стены и башни; понадобились лестницы и стенобитные орудия. Христиане, разделившись на батальоны, приступили к осаде города, не обращая внимания на то, что их закидывали огромными камнями и обливали сверху горячим маслом и смолой. Сарацины могли удивляться в этот день чудному мужеству своих врагов. Если бы у крестоносцев были орудия и машины, то после этого первого приступа перед ними открылись бы ворота Иерусалима. Но не суждено было исполниться чудесам, обещанным отшельником, и крестоносцы возвратились в свой лагерь, оставив под стенами города многих товарищей, павших со славою.

Вожди армий позаботились тогда о том, чтобы достать дерево, необходимое для сооружения машин, но это было нелегко в стране с обнаженной почвой. Первым деревом, послужившим для осадных работ, были дома и даже ближайшие по соседству церкви, разрушенные пилигримами.

Знойное лето было во всем разгаре, когда франкская армия прибыла к стенам священного города. При слухах о приближении крестоносцев неприятель засыпал или отравил все цистерны. Ни одной капли воды не осталось в пыльном русле Кедрона. Силоамский источник, из которого истекла временами вода, был недостаточен для множества пилигримов; головы их жег палящий зной, а под ногами была иссохшая земля и раскаленные скалы. Воины Креста подверглись всем мучениям жажды, и так велико было это бедствие, что недостатка в пище они почти и не замечали. Генуэзский флот, прибывший в Яффу с продовольствием всякого рода, несколько рассеял мрачное настроение христиан; в лагерь доставлены были съестные припасы, различные инструменты для сооружений, инженеры и плотники-генуэзцы под защитой 300 человек, предводительствуемых Раймундом Пеле.

Между тем, деревья все-таки еще не могли достать. Но крестоносцы узнали, что есть лес в окрестностях Наплусы, и вскоре доставлен был в лагерь на верблюдах сосновый, кипарисовый и дубовый лес. Во все руки роздана была работа, ни один из пилигримов не остался без дела. В то время как одни сооружали тараны, катапульты, крытые галереи и башни, другие, взяв в проводники христиан той местности, отправлялись с мехами за водой к источнику Эльпирскому, по дороге в Дамаск, или к источнику Апостолов, повыше Вифании, к источнику Марии, в долине, называемой пустыней св. Иоанна, или еще к одному ключу, к западу от Вифлеема, где, по сказанию, раб эфиопской царицы, Кандакий, принял крещение от св. Филиппа-диакона.

Между приготовленными боевыми машинами угрожающего вида замечательны были три огромные башни совершенно нового способа постройки; в каждой из этих башен было по три этажа: первый предназначался для рабочих, которые руководили движением, второй и третий – для воинов, которые должны были вести осаду. Эти три перекатные крепости были выше стен осаждаемого города. На вершине их прикрепили что-то вроде подъемного моста, который можно было перекинуть на укрепления и по которому можно было проникнуть в саму крепость. К этим могущественным средствам для нападения следует присоединить и религиозный энтузиазм, который произвел уже столько чудес во время этого крестового похода. После трехдневного строгого поста крестоносцы, в настроении глубочайшего смирения, совершили крестный ход вокруг священного города.

Осажденные, между тем, также запаслись большим количеством боевых машин и укрепились с той стороны города, откуда угрожали им христиане; восточную же часть они оставили без защиты. Сюда-то и перенесли свой лагерь Готфрид и оба Роберта и заняли позицию против ворот св. Стефана. Это перемещение, ради которого понадобилось разобрать башни и разные военные машины и которое должно было решить участь Иерусалима, было совершено в одну ночь, и в ночь июньскую, то есть в течение пяти или шести часов. 14 июля 1099 г., на рассвете дня, предводители армии подали сигнал ко всеобщему наступлению. Все силы армии, все боевые орудия разом нагрянули на неприятельские укрепления. Три большие башни или перекатные крепости под управлением Готфрида на востоке, Танкреда на северо-западе и Раймунда Тулузского с южной стороны города двинулись к стенам, среди грома оружия и криков рабочего люда и воинов. Этот первый натиск был ужасен, но он еще не решил судьбу сражения; после 12-часовой упорной битвы нельзя еще было определить, на чьей стороне останется победа. Когда наступившая ночь заставила враждующих разойтись по лагерям, христиане томилась тем, что «Бог не удостоил еще их войти в священный город, чтобы поклониться Гробу Его Сына».

На следующий день битва возобновилась. Осаждаемые, узнав о приближении египетской армии, ободрились надеждой на победу. Но вместе с тем и мужество воинов Креста возросло

до непобедимой силы. Нападая с трех сторон, они действовали разрушительно. Две колдуньи, которые, стоя на укреплениях, заклинали стихии и все адские силы, свалились мертвыми под градом стрел и камней. Осада длилась уже полдня, но крестоносцы все еще не могли проникнуть в Иерусалим. Вдруг на Масличной горе показался рыцарь, размахивающий щитом и подающий христианским вождям знак, чтобы они вступали в город. Это внезапное появление воспламенило рвение христиан. Башня Готфрида выступает вперед под градом камней, стрел и греческого огня и опускает свой подъемный мост на стены. Крестоносцы в то же время пускают горящие стрелы в боевые машины осажденных, и в мешки с сеном и соломой, и в шерстяные тюки, прикрывающие остатки городских стен. Ветер раздувает пожар, относит пламя в сторону сарацин, и они, окруженные столбами дыма, в смятении отступают. Готфрид, предшествуемый двумя братьями, Летальдом и Энгельбертом Турнейскими, сопровождаемый Балдуином Бурским, братом его Евстафием Ремботом Кротонским, Гишером, Бернаром де Сен-Валье, Аманжье и Альбертским, теснит неприятеля и по следам его вторгается в Иерусалим. Танкред, оба Роберта и Раймунд Тулузский не замедлили со своей стороны с вступлением в крепость. Крестоносцы вошли в Иерусалим в пятницу, в три часа пополудни, в самый день и час крестной смерти Спасителя.

Энтузиазм крестоносцев при виде Иерусалима

Готфрид устремляется в Иерусалим

С ужасом описывает история гибель мусульман в побежденном городе. Избиение их продолжалось целую неделю, и жертвами его оказалось до 70 000 человек. Причиной такой варварской политики было то соображение, что трудно было бы наблюдать за слишком большим числом пленников и что рано или поздно пришлось бы вновь бороться с ними, если бы их теперь только выселить из Иерусалима. Ярость победителей уступила только рвению, с которым они устремились в храм Воскресения, чтобы поклониться Гробу Христа. Загадочное противоречие человеческой природы! Те самые люди, которые только что избивали на улицах побежденных врагов, шли теперь с босыми ногами, с обнаженными головами, с благочестивыми воздыханиями и проливали слезы умиления и любви. Молитва и набожные рыдания внезапно раздались в Иерусалиме вместо яростных криков и стонов погибающих жертв.

Глава VII

Со времени избрания Готфрида до Аскалонской битвы (1099)

Раздел военной добычи произошел без всякого беспорядка; по определению, постановленному перед последним приступом, каждый воин мог почитать себя обладателем того дома или здания, в которое он вступит первый; крест, щит или какой-нибудь знак, прибитый к двери здания, служит для победителя правом на обладание. Святые места, посвященные имени Иисуса Христа, сироты и бедные также имели свою долю в богатствах, забранных у неприятеля. Несметные сокровища, найденные в мечети Омара, достались Танкреду.

В продолжение нескольких дней в Иерусалиме переменялись обитатели, законы, вероисповедание. Латиняне немедленно позаботились о выборе царя, чтобы сохранить и поддержать свое завоевание. Собрался совет из князей. Между вождями, которым предстояло предложить царствование в Иерусалиме, особенно выдавались Готфрид, Роберт Фландрский, Роберт Нормандский, Раймунд Тулузский и Танкред. Роберт Фландрский задумывался о своем возвращении в Европу и довольствовался титулом сына св. Георгия, который он заслужил своими подвигами во время священной войны. Герцог Нормандский всегда выказывал более мужества, чем честолюбия. Что касается Танкреда, то он только и стремился к военной славе и титул рыцаря ставил гораздо выше, чем титул царя. Оставались Готфрид и Раймунд Тулузский. Последний, известный своим честолюбием и несокрушимой гордостью, не пользовался ни доверием, ни любовью пилигримов, так что все данные на избрание короля оказывались на стороне герцога Лотарингского.

Решено было, что избрание будет произведено советом из десяти самых представительных лиц духовного и военного звания. Этот совет, тщательно разузнав мнение войска о каждом из подлежащих избранию вождей, расспросив даже прислугу их и домашних, провозгласил Готфрида. Избрание герцога Лотарингского было встречено с живейшим сочувствием. Готфрид отказался от короны и знаков королевского достоинства, говоря, что он никогда не примет золотого венца в том городе, где на Спасителя мира был возложен терновый венец. Он удовольствовался скромным титулом барона и защитника Святого Гроба.

Итак, новое государство получило правителя; следовало дать правителя и церкви Иерусалимской. Но епископами городов, подчинившихся латинской власти, выбраны были, в большинстве случаев, ловкие и пронырливые люди, вместо благочестивых и действительно достойных этого сана. Это странствующее духовенство, потеряв своего разумного вождя и преобразователя в лице епископа Адемара, очень испортилось и представляло из среды своей мало добродетельных и просвещенных личностей. Арнульд, капеллан герцога Нормандского, избранный патриархом Иерусалимским, не отличался безукоризненной нравственностью. Первым заявлением его духовной власти было оспаривание у Танкреда богатств Омарской мечети, как бы составляющих достояние Гроба Господня; ему не удалось, однако же, получить отсюда более 700 серебряных марок.

Слух о завоевании Иерусалима распространился по всему Востоку. Христиане из Сирии, Киликии, Месопотамии и Каппадокии направились в Иерусалим, иные – чтобы поселиться в нем, другие – чтобы поклониться Святым местам. Радость воцарилась между последователями Евангелия, между тем как жители Каира, Дамаска, Багдада предавались отчаянию. Имамы и поэты оплакивали бедственную участь иерусалимских мусульман. «Хребты верблюдов и утробы коршунов – вот единственное прибежище братьев наших, бывших доселе владыками Сирии!» – пела муза ислама. Мусульмане из Дамаска и с берегов Тигра присоединились к многочисленной египетской армии, прибывшей для нападения на новых владетелей Палестины. Готфрид получил уведомление, что несметное неприятельское войско перешло уже через Газские владения и что через три дня оно может подступить к Иерусалиму. Воины Креста решились выступить на битву с ним.

Крестоносцы собрались в Рамле. Оттуда двинулись они к югу, имея налево от себя горы Иудейские, а направо – груды песка, покрывающего морской берег. Таким образом перешли они через землю Ибелимскую, через древние города Гаф, Экрон и Азот. От пленников узнали крестоносцы, что мусульманская армия расположилась лагерем на Аскалонской равнине; христиане находились от нее только на один час пути. 14 августа на самом рассвете герольды возвестили, что сражение начинается; иерусалимский патриарх обошел тогда ряды воинов, показывая им древо Животворящего Креста, которое почиталось у латинян самой священной драгоценностью. Вскоре затем крестоносцы являются перед неприятелем в равнине Аскалонской, окаймленной с востока холмами, с запада – плоскогорьем, возвышающимся над морем, а с юго-запада – громадными песчаными заносами. Город Аскалон был выстроен на западном плоскогорье. Египетская армия расположилась на скате песчаных холмов, к юго-западу от равнины.

Готфрид, Раймунд Тулузский, Танкред и оба Роберта заняли каждый тот пункт, откуда удобнее всего было произвести общее нападение. Христианских воинов было едва 20 000; мусульманская же армия насчитывала до 300 000 под своими знаменами. И сверх того, с моря угрожал египетский флот. Несмотря на это, не без испуга встретили враги Креста отряд, смело выступивший против них. Египетские легионы дрогнули, когда засвистели сквозь их ряды первые дротики латинян. Поэтому битва не затянулась. При первом натиске вождей крестоносцев мусульманская армия пришла в полное смятение. Вихри пыли, поднявшиеся по Газской дороге, обозначили бегство неприятеля. Но не все мусульмане нашли спасение в бегстве. Те, которые направились к морскому берегу, чтобы присоединиться к египетскому флоту, погибли большей частью в волнах или от меча. Несколько корпусов мусульманской армии хотели соединиться между собой, но Готфрид ворвался в их ряды, и снова латинский меч произвел между ними страшное опустошение. «Он косил мусульманские головы, – говорится в летописи, – как колосья на бороздах или как траву на лугах». То, что было найдено при павших на поле битвы, обогатило победоносных христиан. Они не запаслись продовольствием и нашли его в избытке в неприятельском лагере. Ссора, возникшая между Готфридом и Раймундом Тулузским, который хотел удержать Аскалон за собой, воспрепятствовала присоединению этой крепости с той же минуты к новому Иерусалимскому королевству.

По возвращении из Аскалона Раймунд Тулузский, шедший во главе христианского войска, напал со своим отрядом на город Арсур, находящийся на берегу моря, в нескольких часах расстояния к северу от Рамлы; но, встретив сильный отпор, он отказался от осады города. Покидая крепость, Раймунд послал сказать гарнизону, чтобы тот не пугался нападения со стороны короля Иерусалимского. Скоро после того Готфрид явился под стенами Арсура; жители решились защищаться. Узнав, что это противодействие было следствием советов Раймунда, король Иерусалимский пришел в негодование и решил отомстить оружием; Танкред и оба Роберта помирили князей, которые обнялись в присутствии своих ратников. Армия христианская снова направилась в Иерусалим и принята была в священном городе с шумными изъяв-

лениями радости и при пении священных гимнов. Большое знамя и меч предводителя египетской армии были прикреплены к колоннам Святого Гроба.

Весть об этой битве скоро распространилась и снова навела страх на врагов христианской армии. Это обеспечивало на несколько времени спокойствие христиан. И многие бароны и рыцари стали подумывать о возвращении в Европу. Те же, которым приходилось оставаться здесь, просили своих товарищей не забывать их и убеждать христианский мир не оставаться безучастным к спасению и славе Иерусалима. Нетрудно представить себе картину слез и печали во время прощания пилигримов с уезжавшими товарищами. Готфрид остался царствовать в священном городе, имея пособниками только Танкреда и 300 рыцарей. Раймунд Тулузский, решившийся кончить жизнь свою на Востоке, получил от императора Константинопольского княжество Лаодикею. Петр Пустынник, возвратясь во Францию, кончил свою жизнь в монастыре, основанном им самим. Евстафий, брат Готфрида, Роберт Фландрский и Роберт Нормандский возвратились в отечество, и, без сомнения, последние дни их жизни были часто озарены хотя и грустными, но вместе с тем славными воспоминаниями о крестовом походе.

Глава VIII Экспедиция 1101–1103 гг.

Европе, без сомнения, с восторгом была принята весть об освобождении Святого Гроба из рук неверных. Победы крестоносцев снова воспламенили настроение духа в Европе; письма князей, написанные после взятия Антиохии и Аскалонской битвы, читались народу с церковных кафедр, и в христианском мире возобновились те сцены, которые происходили после Клермонского собора.

Те, кто в 1097 г. принял крест и не отправился в поход, те, кто покинул знамена крестового похода, сделались внезапно предметом общего презрения. Гуго, брат французского короля, который покинул своих спутников, не дойдя до цели путешествия, Стефан граф Блуаский, покинувший святыне знамена, и все, кто последовал их примеру, принуждены были предпринять вторичное путешествие в Иерусалим. Они присоединились ко множеству знатных владетелей и баронов, которые не увлеклись общим движением во время первого крестового похода, но которых вырывал теперь из их отечества новый взрыв общего энтузиазма. Вильгельм IX граф Пуатьерский, поэт, любезного и веселого нрава, также решился проститься с Пуату и Лиможем, «и с рыцарством, которое он так любил, и с суетой мирскою»; его сопровождали многие из его вассалов: Гильом граф Неверский, Герпин граф Буржский, Одон герцог Бургонский, собрались под знаменами Креста; последний надеялся напасть на какие-нибудь следы своей дочери Флорины, которая погибла в Малой Азии вместе со своим женихом Светоном.

Воодушевление, охватившее теперь Италию и Германию, было еще живее, чем после Клермонского собора. Ломбардских пилигримов оказалось до 100 000; во главе движения стали Альберт граф Бландратский, и Ансельм, епископ Миланский, Вельф IV герцог Баварский, Конрад, коннетабль императора Генриха III, явились во главе громадного сборища германских пилигримов. Вместе со знатными и могущественными крестоносцами Германии приняла участие в походе и маркграфиня Ида Австрийская. Летописцы свидетельствуют, что число пилигримов, устремившихся на Восток в 1101 г., простиралось до 500 000. Эта экспедиция разделилась на три отряда.

Первыми выступили в поход ломбардские крестоносцы; путь их через Болгарию и греческие провинции был ознаменован страшными насилиями. Этот отряд, не сдерживаемый никакой дисциплиной, просто разбойничал по пути до самого Константинополя, откуда император Алексей, чтобы обуздать их дерзость, рассудил выслать против них не вооруженных людей, а львов и леопардов. Пришлось прибегнуть к роскошным дарам и смиреннейшим мольбам, чтобы убедить ломбардцев перейти через Босфор. Достигнув Никомедии, ломбардцы расположились тут лагерем; сюда же прибыли коннетабль Конрад с 2 000 германских воинов, герцог Бургонский, граф Блуаский, епископы Ланский и Суассонский во главе французских ратников с берегов Сены, Луары и Мааса. Эта первая армия, соединившаяся в Никомедии, состояла из 260 000 пилигримов. Начальство над нею принял Раймунд, граф Тулузский, находившийся тогда в Константинополе.

Ломбардцы не захотели идти по той дороге, по которой шел Готфрид; они принудили своих предводителей вести их в Пафлагонию, «чтобы завоевать, – говорили они, – царство Хорасанское». Этот путь, между тем, должен был завести их в такие страны, которые были для них неизвестны и где предстояло им встретиться с неодолимыми препятствиями. Через три недели пути они дошли до Анкиры, известной у летописцев под именем Анкраса. Путь из Никомедии до Анкиры проходит через плодоносные страны, и на этом пространстве армия не испытала голода. Она овладела Анкирой в пользу греческого императора и, продолжая путь, достигла укрепления Гаргара, или Гангра, и с этих пор начались страдания армии. «Крестоносцы подвигаются вперед через необитаемые страны и через ужасные горы», – повествуют летописцы. Турки, укрываясь в засадах, делают частые нападения на отставших от армии, больных и вообще на слабую часть войска. Герцог Бургонский и Раймунд принимают на себя заботу защищать арьергард. К бедствиям, причиняемым неприятелем, присоединяется голод. За недостатком продовольствия крестоносцы питаются листьями, корой деревьев и корнями диких растений. На своем пути христиане встречают город Констанн (древний Германикополь); шли они, следуя по извилистому берегу Галиса, то приближаясь, то удаляясь от берега. Тысяча пилигримов, остановившихся близ Констанна в долине, чтобы собрать ячменя и спечь из него хлеб, погибли в огне: турки обложили долину сухой травой и древесными ветвями и спалили ее.

Вслед за христианской армией устремились бесчисленные легионы турок из разных местностей Малой Азии и Месопотамии. С каждым днем неприятель становился смелее, дороги – труднее, опасности – грознее; на совете предводителей решено было вступить в битву. В назначенный день, убеждая воинов вооружиться всем своим мужеством, епископ Миланский прошел по рядам армии, показывая руку св. Амвросия как залог благословения Божьего, а граф Тулузский представил воинам копье, найденное в Антиохии, которое он принес с собой, и напомнил крестоносцам обо всех чудесах, произведенных на берегах Оронта действием этого чудотворного оружия. Разные отряды – графа Альберта, Конрада, графа Блуаского, герцога Бургонского – сражались все в одиночку, а не соединенными силами, и поочередно были принуждены обращаться в бегство от турок. Этот день был несчастлив. В следующую ночь граф Тулузский, который бился храбро и неустанно и едва мог спастись, покинул лагерь и отправился по дороге к Синопу. Весть об этом бегстве привела в смятение христианскую армию; князья, знатные владетели и рыцари в свою очередь обратились в бегство, оставив на произвол неприятеля весь обоз и растерявшиеся толпы пилигримов. Когда наступил день, христианский лагерь представлял истинно жалкое зрелище: женщины и девушки, предоставленные ярости турок, оглашали воздух рыданиями и стонами.

Изменники воины, покинувшие беззащитную толпу, искупили свое преступление, все почти погибнув от мусульманского меча. Верхом на быстрых конях неприятель преследовал беглецов, и ни глубина пещер, ни густая чаща леса не могли спасти их от смерти. Золото, серебро, драгоценные камни, шелковые ткани, пурпуровые, подбитые горностаем и куницей мантии, все драгоценности, оставленные пилигримами, достались победителям-мусульманам. 160 000 крестоносцев погибли в долинах и горах Каппадокии. Множество женщин было уведено в неволю. Граф Раймунд из Синопа возвратился морем в Константинополь; остальная же часть христианской армии прибыла сухим путем в столицу империи.

Вторая армия, под предводительством Гильома Неверского, состояла из 15 000 ратников и множества монахов, женщин и детей. Достигнув Константинополя, она переправилась через Босфор, дошла до Сивито и направилась к Анкире, чтобы присоединиться к ломбардцам, об участии которых еще ничего не знала. Не встретив ломбардцев, она свернула с дороги в Анкиру и направилась к Иконию, известному у летописцев под именем Станконы. В окрестностях Икония начались несчастья и этой, второй армии. Турки, которые за несколько дней перед тем истребили или разогнали ломбардцев, напали теперь на спутников Гильома Неверского и

перебили множество из них. Крестоносцы после неудачной осады Станконы отправились по южной дороге в Сирию и дошли до города Ираклии между Иконием и Тарсом. Турки завалили все колодцы и источники в Ираклии, и триста пилигримов погибли от жажды. Недалеко от Ираклии была река, но крестоносцы не отыскивали ее. После бедствий от жажды явился неприятель; большая часть войска была истреблена турками, и только около 700 христиан спаслись, добравшись до гор и лесов. Граф Неверский нашел убежище в Мараше, в Киликии. Выступив отсюда со своими последними спутниками на дорогу в Антиохию, они были ограблены турками и лишены последней одежды; когда они прибыли в город, где развевались латинские знамена, на них не было ничего, кроме жалких лохмотьев.

История похода третьей армии не менее печальна. 160 000 пилигримов (один летописец насчитывает их до 300 000), выступив под начальством Гильома Пуатьерского, Гуго Вермандуаского, Вельфа герцога Баварского, и Иды, маркграфини Австрийской, покидают лагерь в Никомедии, приходят в Станкону, где немедленно подвергаются страданиям от голода и жажды. Разграбив два мусульманских города во Фригии, они пробираются в Караманию и доходят до Ираклии, где незадолго перед тем погибли спутники графа Неверского. В окрестностях этого города, близ реки, турки нападают на них, и река и окрестные поля покрываются трупами христиан, сраженных стрелами и мечами врага. Граф Пуатьерский, в сопровождении одного только оруженосца, спасается бегством в горы, потом укрывается в местечке по соседству с Тарсом и, наконец, достигает Антиохии. Гуго граф Вермандуаский укрывается в Тарсе, где и умирает от ран. Герцогу Баварскому удается спастись от преследования победителей; участь же графини Иды остается неизвестной современникам.

Итак, в одно и то же время три армии, три многочисленные полчища ратников переходят из Европы в Азию и погибают в неизвестных странах, как бы поглощенные разверстой могилой. Числом их было не менее, чем первых крестоносцев; между тем, все эти вновь прибывшие легионы были уничтожены теми самыми турками, которых спутники Готфрида победили в Никее, в Дорилее и в Антиохии. Обвиняют политику Алексея в том, что она способствовала этих ужасным поражениям, но, может быть, справедливее будет признать, что предводители и воины погибли жертвами своей собственной неосторожности и отсутствия всякой дисциплины.

Были случаи, что пилигримы во время бедственного бегства и скитания по областям Малой Азии обязаны были своим спасением местным христианам. Весной 1103 г. 10 000 крестоносцев, оставшихся из трех армий, соединились в Антиохии. Они имели отраду исполнить свой обет поклонения божественной Гробнице, достигнув священного города под предводительством тех вождей, которые пережили это общее избиение. Отпраздновав св. Пасху в Иерусалиме, одни из них возвратились в Европу, другие – в Палестину для охранения королевства, созданного мечом латинян. Герцог Бургонский, граф Блуаский, Герпин Буржский и герцог Баварский никогда уже более не увидели своего отечества.

Остановимся теперь, чтобы вкратце отметить значение всех предыдущих событий. Первый крестовый поход и сокрушительные последствия его в 1101 г. вырвали из Европы более миллиона людей. Крестовые походы служат представлением двух вероисповеданий, вооружившихся одно против другого; вот почему с обеих сторон было так много увлечения и ненависти: войны за веру были всегда самыми тяжелыми и самыми убийственными. Первый крестовый поход ознаменован чудными подвигами; они покрыли вечной славой старую Францию, и память о них пребудет навсегда дорога для отечества. Перед ужасом христианского оружия отступили мусульманские народы, готовые нахлынуть на Запад; столица Греческой империи, которой угрожали сарацины, была ограждена крестоносцами. Варварство было снова отодвинуто в недра Азии. Крестовые походы были полезны и для внутреннего состояния Европы: частные войны и бедствия феодальной вражды прекратились; все ненависти слились в одну

– против врагов христианства. И в этом общем настроении заключались великие данные в пользу мира и цивилизации.

Первый крестовый поход открыл Восток перед Западом, и эта встреча двух обществ, до тех пор неизвестных друг другу, должна была, естественным образом, дать некоторый толчок европейскому умственному развитию. Это обширное движение было благоприятно для мореплавания и торговли. Христианские суда стали чаще появляться на Средиземном море. Пизанцы и генуэзцы извлекли выгоды из основания Иерусалимского королевства. Денежные обороты оживились, и Запад как будто стал богаче, так как золото распространилось понемногу повсеместно. Нельзя сказать, чтобы первый крестовый поход доставил что-нибудь Европе в отношении наук, литературы и искусства; первые отношения между христианством и исламом ограничились разрушительными предприятиями. Крестовый поход нанес первый удар феодальной системе: многие князья по возвращении из Азии заменили тиранические злоупотребления благоразумным управлением. Священная экспедиция принесла освобождение многим рабам. Множество знатных вассалов государства разорились или погибли под знаменами священной войны; это было началом падения феодальной власти, и это падение ее содействовало усилению независимости королевской власти. Таковы были характерные черты и последствия первой священной войны.

Глава IX Царствования Готфрида и Балдуина I (1099–1118)

Город Иерусалим и около 20 городков и сел, находившихся в его окрестностях, составляли все королевство, вверенное Готфриду. Многие укрепленные местности, перешедшие под латинские знамена, были отделены одни от других укреплениями, над которыми еще развевались мусульманские флаги. Чтобы привязать пилигримов к этому новому отечеству, добытому оружием, присоединена была к обаянию Святых мест прелесть собственности. Пребывание в каком-нибудь доме или на возделанной земле в продолжение одного года и одного дня обращалось в право владения. Отсутствие в продолжение такого же времени уничтожало все права на владение. В высшей степени достойно замечания то явление, что это Иерусалимское государство, защищаемое всего-то 200 или 300 рыцарей, окруженное такими неприятельскими силами, которые могли бы одним ударом уничтожить его, спокойно держалось в силу того ужаса, которое внушало христианской оружие.

Готфрид позаботился о расширении пределов государства. Танкред покорил Тивериаду и несколько других укрепленных местностей в Галилее, за что и получил их в свое владение, а позже эта страна составила княжество. Король Иерусалимский, со своей стороны, налагал подати на эмиров Кесарии, Птолемаиды, Аскалона и подчинял своей власти аравитян по левую сторону Иордана. Город Арсур также признал владычество христиан. По случаю отказа со стороны этого города в уплате наложенной на него подати он подвергся осаде Готфрида. Ему противопоставили такой способ защиты, какого он предвидеть не мог. Жерар Авенский, отданный заложником городу Арсуру, был привязан к вершине мачты, так чтобы в него попадали удары, наносимые осаждающими; несчастный рыцарь умолял Готфрида, чтобы он спас ему жизнь, отказавшись от осады, но государь Иерусалимский убеждал Жерара Авенского смириться перед своей участью ради пользы своих братьев и ради славы Христовой. Христиане с увлечением начали осаду города, но их боевые машины были уничтожены греческим огнем, которым действовали мусульмане. Готфрид был вынужден удалиться от Арсура, оплакивая бесплодную гибель своего доблестного товарища. Но Жерар не погиб. Тронутые его героической твердостью, мусульмане отвязали его от мачты и оставили в живых. Рыцарь возвратился в Иерусалим к удивлению и радости латинян, которые уже зывали к нему как к мученику. В воздаяние за свое самоотвержение он получил замок св. Авраама, находящийся в Иудейских горах. Во время осады Арсура Готфрида посетили самарийские эмиры; он смиренно принял их, сидя на соломенном куле; по их желанию он одним взмахом меча отрубил голову верблюду. Было чем произвести впечатление на восточные головы!

Перед праздником Рождества прибыла толпа паломников с целью посетить Святые места. Это были большей частью пизанцы и генуэзцы под предводительством епископа Дуриано и архиепископа Пизы Даимберта. Последний прибыл в Иерусалим в качестве апостольского легата и сумел присвоить себе звание иерусалимского патриарха вместо Арнульда. Он тревожил Готфрида, требуя во имя церкви верховного владычества над Иерусалимом и Яффой.

Между тем, прибыли в священный город Боэмунд князь Антиохийский, Балдуин граф Эдесский, Раймунд Тулузский с итальянскими паломниками. Боэмунд и Балдуин согласились, так же как и сам Готфрид, получить от папы инвеституру завоеванных их оружием стран.

Иерусалимское королевство, возникшее в силу победы, тревожимое внутри честолюбивыми и страстными домогательствами, подверженное беспрестанным и неизбежным переменам в правах на недвижимое имущество, населенное отступниками от всех религий и искаателями приключений всех стран, постоянно посещаемое паломниками, среди которых были великие грешники, не возвысившиеся до любви к добру, – королевство это, вновь созданное, в котором царил беспорядок, свойственный только что покоренным странам, нуждалось в законодательстве, которое установило бы формы правильные и стойкие. К этому и стремился разумный Готфрид. Присутствие латинских властителей в Иерусалиме представилось ему счастливой случайностью, чтобы осуществить свои благие предприятия.

В назначенный день состоялось торжественное собрание во дворце Готфрида, на горе Сионской. Князья, бароны, люди самые просвещенные и преданные религии установили законоположение, которое и было сложено во храме Гроба Господня и получило название Иерусалимских ассиз. Тут были приведены в порядок и определены взаимные обязательства государя, властителей и подчиненных; но внимание законодателей было обращено только на носящих оружие, так как война была главным делом этого государства. Что же касается людей простого звания, земледельцев и военнопленных, то о них было только слегка упомянуто; на них смотрели только как на собственность. Стоимость сокола была та же, что и стоимость раба, а боевой конь ценился вдвое дороже простолудина или пленника. И только религия приняла на себя обязательство покровительствовать этому несчастному разряду людей. Учреждены были три судилища, так чтобы все жители государства подлежали суду себе равных. В Иерусалимских ассизах видны следы грубости того древнего времени; тем не менее, в них можно усмотреть постановления, изобличающие высокую мудрость законодателей. Это законодательство, удержавшееся дольше самого Латинского государства, было благодеянием для Святой земли и образцовым учреждением для Запада, находившегося еще в варварском состоянии.

Полезные подвиги в прииорданских странах возвысили славу Готфрида; король Иерусалимский был занят покорением укрепленных местностей в Палестине, остававшихся еще подвластными исламу, когда смерть похитила его у любящего его и уповающего на него христианского населения. Он скончался, поручив товарищам своих побед честь Креста и благосостояние государства. Останки Готфрида были преданы погребению близ Голгофы, в церкви Воскресения. Освободитель Святого Гроба удостоился могилы возле Гробницы своего Господа. Готфрид был великим полководцем, и если бы смерть не свергла его так рано с престола Давидова, то история причислила бы его к величайшим из государей. Он соединял в себе тройное могущество: меча, мудрости и добродетели. Письменные свидетельства наших героических времен не представляют имени более славного, чем имя Готфрида. Мы имели честь прикоснуться к мечу его, до сих пор сохраняемому во храме Святого Гроба, и это воспоминание восхищает нас в то время, как мы воспроизводим благородную жизнь первого латинского короля в Иерусалиме.

Патриарх Даимберт, в качестве папского легата, первый выступил для принятия наследия Готфрида. Бароны отвергли такие притязания. Даимберт написал Боэмунду князю Антиохийскому, призывая его на помощь иерусалимской церкви; но вскоре узнали, что Боэмунд, потерпевший поражение от турок в северной Сирии, задержан в плену. Престол Иерусалимский следовало занимать воину. Балдуин граф Эдесский призван был наследовать своему брату, но он уступил свои права двоюродному брату, Балдуину Бурскому. Балдуин выступил в Иерусалим с 400 человек конницы и с 1000 человек пехоты. На берегах Финикийского моря, в трех милях от Бейрута, при устье реки Лик, брат Готфрида подвергся нападению эдесского и дамасского эмиров, предупрежденных о его прохождении молвой или предательством. Христианским воинам

пришлось бороться с неприятелем, значительно превосходившим их численностью, и только мужество и благоразумие могли спасти их от гибели. Балдуин вступил в священный город, приветствуемый радостными восклицаниями толпы. Поддерживаемый одобрением баронов и большей части духовенства, Балдуин не обращал внимания на Даимберта, который, протестуя против избрания нового короля, удалился на гору Сион, снедаемый честолюбием и гневом.

Владычество латинян в Иерусалиме должно было быть постоянной битвой; Балдуин этого не забывал. Едва вступив на престол священного города, он предпринял поход против мусульман в сопровождении небольшого войска. Он явился перед стенами Аскалона, но гарнизон заперся там в укреплениях города. Так как наступившие холода препятствовали начать осаду города, он ограничился тем, что разорял его окрестности. Он направился потом на Хеврон, следуя по бесцветным берегам Содомского моря, и проник в Аравию до Моисеева источника. С набожным восторгом созерцали христианские воины все эти места, полные воспоминаниями Священного писания. По возвращении в Иерусалим Балдуин нашел патриарха Даимберта в более благосклонном расположении; он принял помазание на царство в Вифлееме, так как не хотел возложить на себя золотой венец в виду Голгофы.

Танкред не забыл несправедливостей Балдуина под стенами Тарса. Он отказывался признать его королем. Желая положить конец роковой ссоре, Балдуин снизошел до просьбы, чтобы победить гордость Танкреда; князья имели свидание в Каифе, и при этом они помирились и обняли друг друга. Между тем, Танкред был призван управлять Антиохией, которая оставалась без правителя со времени пленения Боэмунда; он предоставил Гуго де Сен-Омеру город Тивериаду и княжество Галилейское.

Балдуин предпринял новые набеги на врагов Креста; он перешел через Иордан, разогнал аравитянские племена и собрал с них богатую добычу. Свой обратный путь в Иерусалим он ознаменовал благородным и трогательным поступком. Перейдя через Иордан, он услышал жалобные стоны: это была мусульманка, страдающая в родах. Он кинул ей свой плащ, чтобы она покрылась, и велел уложить ее на ковер, потом принесены были для нее фрукты и мехи с водой; привели к ней верблюдицу, чтобы кормить ее новорожденного, и поручено было одной рабыне отвести родильницу к ее мужу; последний, бывший почетным лицом между мусульманами, поклялся, что никогда не забудет великодушного поступка Балдуина.

Каждый месяц, каждую неделю прибывали в Иерусалим европейские христиане, привлекаемые известием о завоевании священного города. Немного воинов было при Балдуине, и потому он предложил генуэзским паломникам, прибывшим в Сирию на кораблях, последовать за ним в его нападениях на неверных; он обещал им третью долю добычи и улицу в каждом завоеванном городе, которая будет называться Генуэзской. Генуэзцы приняли это предложение, и тогда предпринята была осада Арсура, который открыл перед ними свои ворота. После того христиане направились в Кесарию; последовал приступ, причем патриарх Даимберт, в белом облачении и с древом Животворящего Креста в руках, поощрял воинов храбро сражаться. Христианский отряд не замедлил ворваться в укрепленный город. Жажда добычи была поводом к варварским действиям. Многие сарацины проглатывали золотые монеты и драгоценные камни, чтобы укрыть их от победителей; воины распарывали животы всем мусульманам, которые им попадались; кровь лилась потоками в мечетях и на улицах. Генуэзцы похвалялись, что на их долю добычи досталась та самая чаша, которая была употреблена при Тайной Вечере. В Кесарию был поставлен латинский архиепископ.

Аскалонские мусульмане, которые с давних пор уже не осмеливались выступать из убежища своих укреплений, попытались напасть на Рамлу. Балдуин во главе 300 всадников и 900 человек пехоты выступил против египетского войска, которое было в десять раз многочисленнее христианского. Во время решительного боя иерусалимский государь воодушевлял своих рыцарей и воинов, напоминая им, что они сражаются во славу Иисуса Христа. «Нет спасения в бегстве, – прибавил он, – так как Франция очень далеко, а на Востоке нет убежища для побеж-

денных». Балдуин выиграл битву; поля вокруг Рамлы и дороги, ведущие к Аскалону, были свидетелями поразительных подвигов. Король Иерусалимский вступил в Яффу с победоносными знаменами.

Вскоре после того пришлось снова сразиться с египетским войском, вышедшим из Аскалона. Остатки трех армий, разбитых в Малой Азии, пришли незадолго перед тем в Палестину. Извещенный о выступлении неприятельского войска, Балдуин, не употребив достаточно времени, чтобы собрать всех своих воинов, поспешил навстречу египтянам с немногими рыцарями, прибывшими из Европы. В этой-то битве погибли Стефан граф Блуаский и герцог Бургундский, отец Флорины. После поразительных подвигов мужества Балдуин скрылся в травах и кустарниках, покрывающих поле. Сарацины подожгли их; Балдуину с великим трудом под прикрытием ночного мрака удалось найти убежище в Рамле. На следующий день этот город должен был подвергнуться осаде; лишенный всяких средств защиты, Балдуин предавался уже самому тревожному раздумью, когда вдруг явился к нему один мусульманский эмир и предложил вывести его потаенным ходом. Этот эмир был муж той мусульманки, в отношении к которой Балдуин был таким великодушным. Король Иерусалимский отказывается спастись один; он не хочет покидать своих товарищей. Но товарищи, во имя священных интересов королевства Иерусалимского, умоляют его воспользоваться предлагаемым спасением; Балдуин уступает их просьбам и со слезами прощается с ними; в сопровождении эмира и немногих своих людей он убегает из города в бурную ночь. Приблизившись к Арсуру, эмир и король расстались, оба растроганные до слез. В этом укрепленном городе нашел убежище Балдуин. После нескольких новых битв, в которых мусульмане потерпели поражение и были рассеяны, иерусалимский король возвратился в священный город, где его уже почитали умершим.

В это время, по свидетельству истории, христианские колонии были в тревожном положении вследствие разлада между их начальствующими лицами. При осаде Харрана Боэмунд, получивший свободу, Танкред, Балдуин Бурский и Иосцелин Куртнейский, уверенные в скором завоевании этого богатого города Месопотамии, начинают спорить о том, кому достанется владеть им, но в это время совершенно неожиданно нападают на них полчища мусульман, прибывших из Мосула и Мардина. Балдуин Бурский и Иосцелин Куртнейский попадают в плен; Боэмунд и Танкред, ускользнув от резни, возвращаются в Антиохию в сопровождении всего шести всадников. Боэмунд задумал поехать в Европу, чтобы набрать там новое войско и напасть на греков, которыми были недовольны завоеватели Святой земли. Встреченный в Риме как доблестный защитник Креста, принятый французским двором как самый блестящий из рыцарей, он воспламенил во всех сердцах порыв к священной войне. Многочисленная армия восстала по его призыву. Вступив во владения греческой империи, он осадил город Дураццо, но после бесплодной осады заключил унижительный для него мир с византийским императором, которого хотел свергнуть с престола, и умер от отчаяния в своем Тарентском княжестве. Иосцелин же и Балдуин Бурский возвратились в свои княжества не прежде, чем пробыв в Багдаде в плену в продолжение пяти лет.

Король Иерусалимский, стремясь к расширению своих владений, заботился о подчинении укрепленных приморских местечек в Палестине, так как через них удобнее было получать помощь и достигать скорейшего сообщения с Западом. Балдуин, с помощью генуэзцев, осадил город Акру, который сдался после 20 дней сопротивления. Этот город служил тогда, как и теперь, ключом к Сирии. Триполи также подчинился власти христиан. Раймунд Тулузский умер в виду этой крепости, осаду которой он предпринял. Триполи был возведен в графство, которое сделалось наследием его рода. Этим латинским графством были вознаграждены пожертвования и подвиги Раймунда, покинувшего свои богатые владения во Франции и предоставившего свою судьбу всем случайностям крестового похода на Востоке. Другие прибрежные города Сирии – Библ, Сарепта, Бейрут – были присоединены к королевству Иерусалимскому. После этих завоеваний пизанцы и генуэзцы возвратились на Запад. Сидон принадлежал

еще мусульманам. В это время прибыли в Палестину 9000 норвежцев под предводительством Сигура, сына Магнуса, норвежского короля; Балдуин получил от них обещание содействовать ему в поддержании и распространении королевства, и с их помощью король Иерусалимский осадил Сидон, который, после шестинедельного сопротивления, открыл перед христианами своих ворота. Вслед за радостью, доставленной этими различными победами, поразила всех горестная утрата: скончался Танкред, заменивший Боэмунда в княжестве Антиохийском, лишившемся теперь в нем одного из самых знаменитых своих охранителей. Таким образом исчезли один за другим старые товарищи Готфрида.

Годы 1113, 1114, 1115 были несчастливы для королевства Иерусалимского. Нахлынувшие с берегов Евфрата и Тигра мусульманские полчища опустошили Галилею; аскалонские и тирские мусульмане разорили окрестности Наплусы; ураганом пронеслись все эти полчища и, подобно урагану, внезапно исчезли. Тогда другие бедствия обрушились на христианские владения: саранча, налетевшая из Аравии, опустошила палестинские поля; голод распространился по всему графству Эдесскому и княжеству Антиохийскому, землетрясения превратили в развалины многие местности начиная от Тавра до пустынь Идумейских.

Успокоившись относительно Багдада и Сирии, Балдуин задумался о подчинении Египта, войска которого уже столько раз были рассеяны его оружием. В сопровождении избранных воинов он переходит через пустыню, достигает врасплох и разграбляет город Фараму, расположенный на берегу моря, близ развалин древнего Пилусия; но, возвращаясь оттуда с богатой добычей, король занемог в Эль-Арише и скончался к величайшему горю своих спутников. Последними словами его были мольбы и увещания жить для защиты королевства Иерусалимского. Умиравший король просил также своих товарищей не покидать его останков на неприятельской земле, но перенести в священный город и похоронить возле могилы его брата Готфрида. Он сам распорядился насчет бальзамирования своего тела и погребения, и последняя воля его была свято исполнена.

Царствование Балдуина, продолжавшееся 13 лет, представляет одно из любопытнейших зрелищ в истории. Ежегодно огромный иерусалимский колокол возвещал о нашествии сарацин, и древо Животворящего Креста, предшествовавшее воинам-пилигримам, не могло покоиться неподвижно во храме Святого Гроба. Сколько было опасностей, сколько битв произошло в это царствование! Сколько раз королевство Иерусалимское совсем погибало и было спасено только благодаря чудесам храбрости своего хранителя! Военная добыча составляла главный источник доходов Балдуина, и когда мир продолжался несколько месяцев или война была неудачной, то государственная казна оказывалась пустой. Но с малыми средствами Балдуин постоянно совершал великие дела. Какой деятельностью обладал этот воинственный гений! Во время первого крестового похода Балдуин навлек на себя ненависть за свой честолюбивый и гордый нрав; сделавшись королем Иерусалимским, он отличался великодушием; не было в латинских владениях более неусыпного охранителя, более неустрашимого защитника: меч Балдуина, единственный скипетр, который он когда-либо держал в руках, улегся в ножны только в тот день, когда король латинский сам был положен в могилу.

Глава X Царствования Балдуина II, Фулька Анжуйского и Балдуина III (1119–1145)

мирая, Балдуин назначил преемником своей власти Балдуина Бурского; многие бароны и прелаты, однако же, пожелали предложить корону Евстафию Булонскому, брату Готфрида; но Иосцелину Куртнейскому, одному из первых графов королевства, удалось собрать большинство голосов в пользу выбора Балдуина Бурского, который и вступил на престол под именем Балдуина II. Новый король передал свое графство Эдесское Иосцелину Куртнейскому.

Княжеству Антиохийскому угрожали в это время бедствия мусульманского вторжения. На Рожера Сицилийского, сына Ричарда, управлявшего этой областью в ожидании совершеннолетия сына Боэмунда и заменявшего Танкреда, сделано было нападение со стороны эмира Ильгази, явившегося во главе мусульман из Персии, Сирии и Месопотамии. Рожер призвал на помощь короля Иерусалимского, графов Эдесского и Трипольского, но, не имея терпения их дожидаться, вступил в битву и был убит. Оружие короля Иерусалимского отомстило за это поражение.

Эта часть истории христианских колоний преисполнена их бедствиями. Иосцелин Куртнейский и двоюродный брат его Галеран застигнуты врасплох, закованы в цепи и заключены в одну из месопотамских крепостей. Король Иерусалимский, прибывший к ним на помощь, также был взят в плен и предан заключению. Тогда 50 армян, преданных до героизма христианским властителям, проникают в крепость, перерезают мусульманский гарнизон и выставляют знамя Христа. Вскоре после того начинается осада крепости; Иосцелин успевает спастись и отправляется по христианским городам, испрашивая помощи баронов и рыцарей. Граф Эдесский в сопровождении множества воинов, собравшихся по его призыву, шел обратно к месопотамской крепости, когда узнал, что она снова во власти мусульман. Мужественные армяне погибли в истязаниях; король Иерусалимский был отведен в крепость Харран. Иосцелин и его товарищи с сердечной болью отказались от своего предприятия.

Египетские мусульмане, желая воспользоваться заключением в крепость короля Иерусалимского, чтобы освободить в это время Палестину из-под власти христиан, осадили Яффу и со стороны моря, и сухим путем и заняли Ибелинскую область; они разделились на две армии. Евстафий д'Агрэн граф Сидонский, назначенный регентом королевства в отсутствие Балдуина, велел возвестить войну при звоне иерусалимского колокола. Во главе отряда, состоящего из 3000 воинов, предшествуемый древом Животворящего Креста, Копьем Спасителя и чудотворным сосудом, в котором, по сказанию, хранилось молоко Божьей Матери, регент королевства выступает против неверных, заставляет отступить при своем приближении мусульманский флот и разбивает всю египетскую армию, которая ожидала франков в Ибелине. Латиняне возвратились в Иерусалим с богатой военной добычей, оглашая воздух пением священных гимнов.

Две важные прибрежные крепости Сирии, Тир и Аскалон, оставались еще во власти мусульман. Сил христианского войска недостаточно было, чтобы предпринять осаду этих городов; для этого нужно было подкрепление из Европы. Подкрепление это прибыло. Венецианский флот под начальством венецианского дожа вошел в Птолемаидскую гавань; дож отправился в Иерусалим, где христианское население приняло его с большим торжеством. До сих пор венецианцы принимали очень небольшое участие в событиях крестовых походов. Побуждаемые более корыстолюбивыми, чем благочестивыми целями, они хотели выждать вестей о победе, прежде чем решиться на что-нибудь. Завоевание Иерусалима и основание Латинского королевства показались им событиями довольно знаменательными, чтобы решиться, наконец, принять участие в судьбах христианских армий. Венецианцы не хотели предоставлять пизанцам и генуэзцам дальнейших выгод, сопряженных с торжеством Креста в Сирии.

Второй штурм Иерусалима. Отступление крестоносцев

Эль-Гази спасает жизнь Готье

Вскоре после прибытия венецианского дожа в Иерусалим был собран совет, на котором следовало решить, какой город подвергнуть осаде – Тир или Аскалон. Мнения были различны, и решения этого вопроса положено было ожидать от судьбы, или, вернее, от воли Божьей. Два билета из пергамента, на одном из которых было написано «Тир», а на другом «Аскалон», были положены на престол в храме Святого Гроба. Жребий пал на билет с именем города Тира. Венецианцы, имея в виду торговые и национальные интересы, обещали свое содействие при осаде этой крепости на таких условиях, на которые правители королевства принуждены были согласиться.

Город Тир, столь прославленный с древних времен, выдержавший осады и Навуходоносора, и Александра, сохранял еще отчасти вид своего прежнего великолепия; с одной стороны служили ему защитой волны морские и крутые скалы, а с другой стороны – тройная стена, уставленная высокими башнями. Дож начал блокаду города со стороны моря, а с прочих сторон окружили его регент королевства, патриарх Иерусалимский и Понтий граф Трипольский. Турки и египтяне, защищавшие город, были в разладе между собой, и это с самого начала послужило в пользу осаждающих христиан. После нескольких месяцев осады боевые машины латинян потрясли укрепления, жители начали бедствовать от голода, и город неизбежно должен был прибегнуть к капитуляции.

Но вдруг и между христианами возникают несогласия и угрожают обратить в ничто столько доблестных трудов. Рыцари и простые ратники, недовольные тем, что им одним приходится выносить усталость и вести битву, между тем как венецианцы остаются неподвижно

на своих судах, заявляют, что и они желают пребывать в спокойствии в своих палатках. Тогда венецианский дож в сопровождении своих моряков является в лагерь и объявляет, что он готов идти на приступ. Это предложение возбуждает соревнование; с обеих сторон оживляется бодрость; осада продолжается с усиленной настойчивостью, и Тир, наконец, сдается. Сопrotивление его длилось пять с половиной месяцев. Знамя короля Иерусалимского было поднято на башне, господствующей над главными воротами города, знамя венецианцев заколыхалось на другой башне, известной под названием Зеленой, а знамя Понтия графа Трипольского появилось на башне Танарийской. Известие о взятии Тира было радостно принято в священном городе; совершено было благодарственное молебствие, и звон колоколов возвестил об этой новой победе; дома в Иерусалиме увешаны были гирляндами цветов, оливковыми ветвями, роскошными тканями, которые придали городу праздничный вид.

И Балдуин II узнал об этой победе в своем харранском заточении; тяжело ему было, что он не принимал участия в новых подвигах. Разлад, распространившийся между мусульманами Сирии, показался ему благоприятным обстоятельством, чтобы завести переговоры о своем выкупе. Получив свободу, Балдуин возвратился в Иерусалим после того, как произвел несколько неудачных попыток осадить Алеппо. Желая покрыть славой воспоминания о своих несчастьях и приобрести доверие своих подданных, предводительствуя ими в битвах, король Иерусалимский освободил Антиохию от опустошавших ее врагов, а в другой раз разбил и преследовал мусульманскую армию до самых стен Дамаска. Добыча, доставшаяся после этой последней победы, послужила для выкупа заложников, которых Балдуин оставил в руках турок.

Врагами колоний Креста были в это время халиф Багдадский и эмиры Мосульский, Алеппский и Дамаский; могущество халифа Каирского, ослабленное многочисленными поражениями и потерей многих прибрежных городов в Сирии, уже не было так грозно; во власти египетской армии оставался один только город Аскалон, и не могла она существенно угрожать спокойствию христианских владений. Различные народности, как, например, племена курдов и туркменов, рассеяны были по Месопотамии и Сирии и с целью добычи вели войны во имя ислама. Среди племен, поселившихся в Сирии, история упоминает об исмаелитах – ассасинах, гашишимах, названных так по имени растения гашиш, из которого сектанты извлекали опьяняющий напиток. Во второй половине XI века исмаелиты, пришедшие из Персии в Сирию, основали колонию на Ливанской горе; начальник этой колонии, называемый франками Старцем или Властителем Горы, имел под своей властью до 20 местечек или крепостей и до 60 000 подданных, разделенных на три больших отдела: народ, воинов и стражу, или федаев. Народ занимался земледелием и торговлей; воины были храбры и отличались искусством вести осаду и умением защищаться; федаи, слепо подчиненные воле начальника, были вооружены кинжалами для того, чтобы убивать тех, на кого им будет указано, для них не существовало ни страха, ни препятствий, намеченную жертву должны были они отыскать и среди толпы, и во дворцах, и на поле битвы, собственной гибели они не опасались, убежденные, что через смерть войдут в обладание всех радостей рая. Эти радости будущей жизни, эти райские блаженства представлялись им в грезах и сновидениях, возбуждаемых употреблением гашиша. Под влиянием этого напитка федаи по повелению Старца Горы соскакивали с верха башен, бросались в пламя и наносили себе оружием смертельные раны. Эта фанатичная преданность, из которой начальник исмаелитов мог извлекать какое ему было угодно орудие, составляла грозную силу на Востоке. С высоты своего Мосиадского укрепления Старец Горы царствовал силой ужаса, который он внушал всем князьям.

Постоянные раздоры между мусульманами и постоянные чудеса доблести, оказываемые христианами, содействовали усилению христианских колоний, так что они сделались грозными. Граф Эдесский господствовал над обоими берегами Евфрата и обратной стороной Тавра; в области его были цветущие города. Княжество Антиохийское, распространившееся

в Киликии и северной части Сирии, было важнейшим из латинских княжеств. Граф Трипольский между Ливаном и Финикийским морем держался как бы в центре государства франков. На юге королевство Иерусалимское распространило свои пределы до ворот Аскалона и оканчивалось пустыней, отделяющей Сирию от Египта.

Выше мы перечислили имена врагов латинян; мы должны прибавить, что король Иерусалимский имел своими союзниками и пособниками всех христиан, рассеянных тогда на Востоке. Во всяком случае, этого было недостаточно для защиты латинских колоний, и только с Запада можно было ожидать действительной помощи. Европа принимала участие в судьбе царства, основанного ее сынами ценой пролитой крови и стольких утомительных подвигов. Христианский мир полагал свою славу в том, чтобы поддержать дальний плод своего оружия.

Ежедневно пилигримы, друзья прибывали в Сирию, превратившуюся в восточную Францию. Новый Иерусалим внушал всякому желание его защищать; все чувства сердечные превратились в воинственный порыв, и сама любовь христианская вооружилась мечом. Из дома, учрежденного для призрения больных пилигримов и благочестивых путешественников, выступали неустрашимые воины. Орден св. Иоанна является в истории, окруженный двойным сиянием: святого человеколюбия и непобедимого мужества. Пример рыцарей св. Иоанна не остался без подражания; несколько лиц высшего звания объединились близ того места, где был прежде храм Соломона, и объявили себя защитниками паломников, приходящих в Иерусалим. Это и был орден храмовников¹, утвержденный собором, постановления которого были написаны св. Бернардом. Ордена св. Иоанна и храмовников служат истинным выражением духа крестовых походов, духа воинственного и религиозного, и они преисполнили славой весь христианский мир; они были для королевства Иерусалимского как бы живой крепостью, вечно поражающей и никогда не поддающейся. Какая радость бывала для бедных, безоружных пилигримов, когда где-нибудь, в горах Иудейских или на равнинах Саронских, они примечали вдали красное одеяние иоаннитов или белую мантию рыцарей-храмовников!

В 1131 г. Балдуин Бурский «заплатил дань смерти», как выражаются древние летописи; в последний свой час он велел перенести себя к Гробнице Иисуса Христа и тут же скончался на руках дочери своей Мелисанды и зятя своего Фулька Анжуйского. 18 лет был он графом Эдесским, 12 лет – королем Иерусалимским; два раза – военнопленным и семь лет просидел в окопах. Балдуин Бурский отличался храбростью, но злая судьба не допустила его принимать большое участие в славных событиях, ознаменовавших его царствование. Он был набожнее, чем может быть, это подобало князю и воину; «руки его и колена одеревенели от благочестивых упражнений», говорит летописец. История замечает, что Балдуин II обращал особенное внимание на внутреннее устройство государства. Чтобы предохранить Иерусалим от недостатка продовольствия, он дал армянам, сириянам, грекам и даже сарацинам хартию, на основании которой им было дозволено привозить в город без пошлины вино, пшеницу и всякое зерно.

Во время царствования Балдуина Бурского был созван собор для рассуждения о мерах против испорченности нравов. Это был уже второй собор в Святой земле со времени завоевания Иерусалима. Первый, во время царствования Балдуина I, имел целью обсуждение действий и прав Арнульда Родосского, поставленного патриархом Иерусалимским.

Фульк Анжуйский, сын Фулька Решина и Бертрады де Монфор, прибыл в Палестину, чтобы принимать участие в делах христианских рыцарей; лишившись супруги своей Эремберги, дочери Илии, графа Менского, он сделался зятем и наследником короля Иерусалимского. В продолжение целого года Фульк Анжуйский содержал на свой счет и водил на войну 100 человек вооруженных ратников; благочестием своим и храбростью он заслужил уважение всех христиан. В начале же своего царствования он был занят восстановлением порядка в княжестве Антиохийском. Сын Боэмунда, прибывший из Испании для получения наследия

¹ Тамплиеров. – Прим. ред.

отца, должен был вступить в борьбу с Иосцелином Куртнейским и погиб в Киликии. Фульк Анжуйский положил конец бедственным несогласиям, выдав замуж дочь Боэмунда; супруг ее, который должен был управлять Антиохией, был князь Европейский, Раймунд Пуатьерский. Но вскоре возникли гибельные раздоры в его собственном государстве. Присутствие Иоанна Комнина, сына и наследника Алексея, возбудило новые распри в христианской Сирии. В это время если бы греки и латиняне действовали заодно, то могли бы нанести окончательный удар мусульманскому владычеству, но франки никогда не могли отказаться от своих предубеждений против греков.

Единственным важным событием в царствование Фулька Анжуйского было завоевание Панады в Антиливане, при источниках Иордана. Король Фульк погиб, упав с лошади, на равнине Птолемаидской. Ему было уже за 50 лет, когда он вступил на престол; старый король, не отличавшийся деятельностью и энергией, строил крепости, вместо того чтобы собирать войска; во время его царствования воинственный дух христиан уступил место духу раздора. Вступив в управление государством, король нашел его сильным и могущественным, умирая, он оставил христианские колонии на пути к разрушению.

С головы старца корона иерусалимская перешла на голову ребенка, и этот ребенок состоял под опекой женщины. Двенадцатилетний Балдуин III вступил на престол отца своего Фулька Анжуйского, а Мелисанда, мать его, была регентшей королевства. Ему было едва 14 лет, когда на него возложена была царская корона. Совершенно юный Балдуин III предпринял поход на Бусру, столицу Гавранитиды, на расстоянии нескольких дней пути к югу от Дамаска. Эмир, правитель Бусры, вышел навстречу христианам и предложил предать им эту крепость. Некоторые бароны и знатнейшие люди королевства не решались принимать этого предложения на основании только слов неизвестного человека, который ничем не мог обеспечить исполнения своего обещания, но желание увидеть страну, о которой рассказывали чудеса, и надежда на легкость победы увлекли большинство военачальников и рыцарей.

При выходе из Антиливанских гор христианский отряд встретил неприятеля, который хотел загородить ему дорогу. Дальнейший путь в Тракониту христиане совершали медленно и среди опасностей. Солнце жгло их в этой стране, где негде было приютиться под тенью, не было у них и воды для утоления жажды; засады и дротики сарацин не давали им покоя. Наконец открылся перед ними богатый город, мысль о котором поддерживала их среди страданий, но вместе с тем последовало для них жестокое разочарование. После продолжительных мучений им приходится возвращаться назад, отказавшись от завоевания, которое было обещано: им объявляют, что жена правителя Бусры заставила вооружиться гарнизон Бусры и что она сама намеревается защищать крепость. Можно судить об изумлении и о великой досаде христиан! Пораженные угрожающей им опасностью, бароны и рыцари убеждают короля Иерусалимского покинуть войско и спасать себя и Святой крест. Молодой Балдуин отвергает советы своих верных баронов и желает разделить с ними все опасности.

Христианский отряд в своем отступлении выказал много терпения, мужества и энергии. Сарацины подошли поля, через которые должны были проходить крестоносцы; преследуемые стрелами, пламенем и дымом, они подвигались в молчании, сомкнув свои ряды и унося с собою своих убитых и раненых. Мусульмане, шедшие вслед за ними, не встречая никаких следов гибели неприятеля, удивлялись и думали, что они имеют дело с людьми железными. С восторгом встречено было войско Балдуина в Иерусалиме; радостно приветствовали возвратившихся, как бы воскресших из мертвых.

Но гроза собиралась над христианами: она приближалась из Месопотамии и северной Сирии. Зенги, князь Мосульский, основатель династии Атабеков, неутомимый предводитель полчищ, замыслил нанести окончательное поражение латинскому государству; он распространил власть свою от Мосула до пределов Дамаска, и могущество его возрастало все более и более. Старый Иосцелин Куртнейский, граф Эдесский, кончил жизнь, преподав последний

урок героизма своему трусливому сыну, и смерть этого искусного и доблестного защитника Креста оставила беззащитными христианские владения в Месопотамии.

Зенги, давно уже замышлявший покорение Эдессы, внезапно явился под стенами этого города во главе громадного войска. Иосцелин, слабый и изнеженный юноша, находился тогда в Тельбашере с большей частью франкских воинов, вовсе не думавших о том, чтобы оберегать графство. В Эдессе были высокие стены, многочисленные башни, сильная цитадель, но у жителей не оказалось предводителя, который повел бы их на битву и мог бы воодушевлять их мужество. Городские жители, духовенство и даже монахи показались на укреплениях, женщины и дети приносили им пищу, воду и оружие. Надежда на скорую помощь поддерживала их рвение, но эта помощь не являлась. Запоздалые демонстрации молодого Иосцелина, усилия его доставить Эдессе защитников не привели ни к чему.

Зенги продолжал вести осаду; к войску его присоединились курды, арабы и туркмены. Семь больших деревянных башен возвышались над укреплениями города, громадные машины потрясали стены; землекопы, прибывшие из Алеппо, сделали подкопы под основание нескольких башен; предстоявшее скорое разрушение их должно было открыть доступ в город мусульманским воинам, когда вдруг Зенги прекратил осаду и потребовал, чтобы город сдался. Жители отвечали, что они предпочитают умереть. В 28-й день осады несколько башен обрушилось по сигналу, поданному Зенги, неприятель вторгнулся в город, и мусульманский меч обагрился кровью христиан. Старцы и дети, бедные и богатые, молодые девушки, епископы и отшельники – все пали жертвами безжалостного победителя. Резня продолжалась от рассвета до третьего часа дня. Уцелевшие христиане были распроданы на площадях, как непригодное стадо. Ужасы резни закончились кошунством. Священные сосуды послужили для оргий в честь победы, и сцены ужасающего разврата осквернили священные алтари.

Весть о взятии Эдессы распространила радость среди мусульман. Свирепый Зенги, оставив в городе гарнизон, готовился к другим победам, но был убит своими рабами при осаде одного укрепления, недалеко от Евфрата. Между тем как Азия праздновала его славу и могущество, повествует арабская история, смерть низвергла его в прах, и прах сделался его жилищем. Смерть Зенги обрадовала христиан, но на них предстояло обрушиться новым бедствиям.

Зенги, пораженный красотой и важным значением Эдессы, хотел снова ее населить. Множество христианских семейств, уведенных в неволю, получили разрешение возвратиться в город. После смерти Зенги эти христианские семейства возроптали на своих мусульманских владык; граф Иосцелин счел это обстоятельство благоприятным, чтобы взять обратно свою столицу. Жители, действительно, помогли ему войти в город ночью, с помощью веревок и лестниц. Граф, забравшись со своими товарищами в крепость, предал смерти множество мусульман. Овладев столицей, Иосцелин отправил послов ко всем сирийским князьям, убеждая их поспешить к нему на помощь, чтобы удержать за собою христианский город. Но ни один князь не явился, а вскоре Нуреддин, второй сын Зенги, показался у ворот города во главе многочисленного войска.

Иосцелин и товарищи его не имели ни средств, ни времени приготовиться к сопротивлению. Видят они, что нет для них иного спасения, кроме бегства. Придумывают христиане, как бы им ускользнуть из города, который должен сделаться их могилой. Ночью растворяются все ворота, и каждый уносит с собой все, что у него есть самого драгоценного. Цитадель остается во власти неприятеля. Встревоженный шумом несчастных беглецов, мусульманский гарнизон выступает и присоединяется к войску Нуреддина, которое устремляется в город и овладевает воротами, через которые бегут толпы христиан. Тут происходит страшная битва. Христиане прорываются и разбегаются по соседним селениям, но и в темноте ночной не успевают они спастись от меча; те из них, кто вооружен, строятся в батальоны. Но их преследуют беспощадно, и не более 1000 человек успевают спастись в стенах Самосаты. Во время двух нападений – Зенги и Нуреддина – погибло до 30 000 христиан, история насчитывает до 16 000 пленных,

осужденных на бедствия рабства. Нуреддин, желая довершить мщение, превратил весь город Эдессу в развалины, оставив в нем только небольшое число христиан-нищих, как бы памятник своего гнева. Несчастье Эдессы исторгло слезы у христиан сирийских и иудейских; мрачный ужас охватил латинские колонии. Молния, разразившаяся в это время над Святым Гробом и над горою Сионом, и появление кометы возбудили окончательно самые мрачные предчувствия в сердцах христиан...

Глава XI Крестовые походы Людовика VII и императора Конрада (1145–1148)

Прошло пять лет со времени освобождения Гроба Господня; народное настроение в Европе не изменилось. Бедствия Эдессы и гибельное положение королевства Иерусалимского должны были снова взволновать Запад. Христианская депутация, отправившаяся из Сирии, прибыла в Витербо, где находился папа. Бедствия Сиона тронули его до слез. В эту эпоху гражданские войны раздирали Германию и Англию, но Франция благоденствовала под управлением Сугерия. Людовик VII, посредством брака своего с дочерью Вильгельма IX, присоединил герцогство Аквитанское к своему королевству. События, нарушившие мир во Франции, послужили для молодого короля поводом к крестовому походу. Римский престол отказался утвердить избрание одного епископа, и это произвело ссору между папой и Людовиком VII, который настаивал на сопротивлении, не совсем достойном христианского государя. Гнев церкви обрушился на королевство; говорили, что граф Шампанский Тибо интригами своими вооружил папу против своего собственного государя. Ослепленный жаждой мщения, король устремился во владения своего непокорного вассала. Людовик VII опустошил Шампань, овладел Витри и предал мечу всех на своем пути. Даже и неприкосновенность святыни не спасла множество жителей, которые надеялись укрыться, как в верном убежище, у подножия алтаря: церковь, где искали спасения 1300 человек, сделалась добычей пламени.

Известие об этом навело ужас на все королевство. Св. Бернар в письме своем к монарху дерзнул высказаться против оскорбления религии, против надругания над человечностью. Король осознал свою вину и почувствовал раскаяние. Несчастья Эдессы озабочивали тогда всю Европу; желание искупить грех насилия, в котором церковь упрекала короля и в котором сам он горько винил себя, возбудило в нем решение отправиться на войну с неверными на Восток. Людовик собрал в Бурже баронов и духовенство, чтобы объявить им о своем предприятии. Однако же св. Бернар выразил мнение, что король должен посоветоваться с папой, прежде чем приводить в исполнение свое намерение; это мнение было одобрено, и в Рим отправлено было посольство.

Иорданская купальня

На папском престоле был тогда Евгений III, преемник Иннокентия II, более чем кто-либо убежденный в пользе крестового похода. Дух протеста и ереси возникал тогда на Западе и волновал столицу христианского мира; экспедиция за море могла отвлечь умы от этой опасной новизны. Папа поздравил короля Французского с его благочестивым решением, обратился с увещаниями к христианскому миру и обещал пилигримам те же привилегии, те же награды, которые даровал папа Урбан II воинам первого крестового похода. Оставаясь в Риме ради отстаивания своей колеблющейся власти, он сожалел, что не может, подобно Урбану, перейти через Альпы, чтобы речами своими оживить рвение христиан.

В булле, в которой папа объявлял о крестовом походе, он возлагал на св. Бернара миссию проповедовать войну. Никто не мог исполнить эту миссию с большим успехом, чем аббат Клервский. Этот человек, возвышавшийся над своим веком могуществом своего слова, с двадцатилетнего возраста предался уединению в монастыре в Сито и увлек за собой туда многих родных и друзей. В непродолжительное время бургиньонский отшельник поставил неизвестную долину Клерво в один ряд со знаменитейшими местами, приспособленными для монастырского уединения. Св. Бернар имел огромное влияние на события своего времени; несколько соборов подчинялись его постановлениям; среди его учеников были аббат Сугерий и папа Евгений III. Короли и высшие духовные лица подчинились его властному слову. Могущественного действия на народ можно было ожидать от проповеди такого человека. Св. Бернару, олицетворявшему религиозный энтузиазм XII века, представлялись только два пути, ведущие к небу: пустыни и крестовый поход. И на тот или другой из этих путей были направлены его современники под влиянием его чудесного красноречия.

Когда решение папы сделалось известным, созван был собор в Везеле, маленьком городке Бургундии. В день Вербного воскресенья многочисленная толпа народа, состоявшая из знатных владетелей, рыцарей, прелатов и людей всех званий, расположилась на скатах холма вокруг города. Людовик VII во всем великолепии царского облачения и св. Бернар в скромной одежде отшельника заняли места на обширной трибуне посреди многочисленного народа, который приветствовал их радостными возгласами. Оратор крестового похода прочел сначала письма

верховного первосвященника. Потом, воодушевленный воспоминанием о бедствиях Эдессы и об опасностях, угрожающих наследию Иисуса Христа, он употребил все чары своего красноречия, чтобы возбудить сочувствие и соболезнование христиан. Он представил Европу как бы преданной соблазну, демону ереси и божественному проклятию и заклинал всех присутствующих умиловить гнев небесный – не стенаниями и слезами, не молитвой и власяницей, но трудами войны, тяжестью меча и щита и спасительной борьбой с мусульманами. Возгласы «Этого хочет Бог! Так угодно Богу!» прервали его слова, как прервали они и речь Урбана на Клермонском соборе. Возбужденный энтузиазмом толпы, св. Бернар предсказал успех крестового похода, угрожал божественным гневом тем, кто не восстанет на борьбу за Иисуса Христа, и воскликнул подобно пророку: «Горе, горе тому, кто не областит меча своего кровью!»

Сильное волнение и рвение к священной войне охватили все собрание. Людовик VII повергся к ногам св. Бернара и попросил у него крест. Облаченный этим обожаемым знаменем, король Французский сам начал убеждать всех верующих последовать за ним на Восток и привел в слезное умиление все собрание. Элеонора Гиеньская, бывшая при своем супруге, также получила крест из рук аббата Клервоского. Альфонс граф Сен-Жильский и Тулузский, Генрих, сын Тибо, графа Шампаньского, Тьерри граф Фландрский, Гильом Неверский, Рено граф Тоннерский, Ив граф Суассонский, Гильом граф Понтъеский, Гильом граф Варенский, Аршамбо Бурбонский, Энггеранд де Куси, Гуго Люсиньянский, граф Дреский, брат короля, дядя его, граф Мориевский, множество баронов и рыцарей последовали примеру Людовика и Элеоноры. Многие прелаты, между которыми история упоминает о Симоне, епископе Нойонском, Готфриде, епископе Лангрском, Алексее, епископе Аррасском, Арнульде, епископе Лизьеском, дали клятву идти на битву с неверными. У св. Бернара не достало крестов для задачи нетерпеливой толпе, и он разорвал свою одежду на полосы, чтобы сделать из них как можно больше крестов.

Св. Бернар не ограничился проповедованием похода в Везеле; он посетил разные места королевства, воспламеняя все сердца рвением к крестовому походу. Во Франции распространились слухи о чудесах, которыми, казалось, сам Бог освящал его миссию. Все прониклись убеждением, что св. Бернар был орудием Божественной Воли. На собрании, бывшем в Шартре, несколько знатнейших князей решили поставить аббата Клервоского во главе экспедиции. Св. Бернар, вспоминая пример Петра Пустынника, уклонялся от лестных предложений со стороны баронов и рыцарей и в испуге заклинал папу «не предавать его мечтаниям человеческим». Ответ папы был сообразен с желанием св. Бернара, который продолжал проповедовать поход во имя Евангелия.

Подготовив крестовый поход во Франции, св. Бернар перешел в Германию. Первым делом его по прибытии к народу, расселенному по берегам Рейна, было состязание с монахом Рудольфом, который убеждал христиан избивать евреев, и тут понадобилось все обаяние аббата Клервоского, чтобы заставить замолчать германского проповедника, умевшего искусно льстить страстям толпы. В это время император Конрад III созвал большой сейм в Шпейере. Св. Бернар приехал сюда с намерением проповедовать войну против мусульман и мир между христианскими государями. Ни частные совещания, ни официальные обращения не могли убедить Конрада принять крест; причиной своего отказа он выставлял возникшие недавно смуты в германской империи. Но настойчивое красноречие св. Бернара не ослабевало. Однажды, служа обедню в присутствии владетельных князей и знатнейших лиц, собравшихся в Шпейере, он внезапно прервал божественную службу и начал проповедовать поход против неверных, представил перед своими слушателями картину Страшного суда, представил им изображение Иисуса Христа, несущего Свой Крест, и упрекал императора Конрада, который со слезами на глазах поклялся идти на защиту христиан. Множество рыцарей и баронов приняли крест по примеру императора.

Некоторое время спустя, на новом сейме, созванном в Баварии, многие прелаты и знатные германские владетели также заявили желание стать под знамя священной войны. Между епископами были епископ Пассауский, Ратисбонский и Фрейзингенский; между знатными владетелями – Владислав герцог Богемский, Одоакр маркиз Штирийский, Ренард граф Каринтийский. Фридрих, племянник императора, принял крест, несмотря на слезы своего старого отца, который умер от горя. Св. Бернар посетил все города по Рейну, начиная с Констанца до Маастриха; везде многочисленные чудеса дополняли действие его речей; толпа слушала его, как пророка, почитала, как святого. Несколько раз одежда его была разрываемая толпой слушателей, спешивших разделить между собой обрывки ее, чтобы сделать из них знак своего странствия в Святую землю.

Возвращение св. Бернара во Францию произвело всеобщее оживление. Успех его проповедничества в Германии, решение, принятое императором Конрадом под его влиянием, были новым возбуждающим толчком для крестоносцев. Людовик VII и знатнейшие лица королевства, собравшиеся в Этампе, еще ничего не решали. Св. Бернар воодушевил совет князей и баронов. В то же время на собрание съехались многие посланники, предлагавшие различные планы нового крестового похода. Между ними обращали на себя внимание послы от Рожера, короля Апулии и Сицилии, который предлагал крестоносцам суда, продовольствие и обещал отпустить с ними в Святую землю своего сына, если поход будет предпринят морским путем. Начались рассуждения по поводу предложения короля Сицилии и относительно того, каким путем отправиться в Палестину. Морской путь представлял менее затруднений и опасностей, однако же принято было неблагоприятное решение отправиться сухим путем.

Собрание этампское оказалось под влиянием лучших внушений, когда оно назначило аббата Сугерия и графа Неверского правителями Франции на время отсутствия Людовика VII. Аббат Сен-Денийский был против крестового похода и убеждал короля, что он действительнее искупит свои заблуждения мудрым управлением своего государства, чем завоеваниями на Востоке. Сугерий, сознавая бремя и опасность назначения, которое было предложено ему, умолял короля и собрание сделать другой выбор. Но просьбы монарха и в особенности повеление папы Евгения убедили его принять управление государством. Что же касается графа Неверского, то он уклонился от сделанного ему предложения, заявив, что он дал обет поступить в монахи ордена св. Бруно. Это благочестивое побуждение было уважено.

Между тем, приготовления к походу продолжались, и всякий день на призыв св. Бернара являлись новые защитники Креста. Куда же не достигало слово св. Бернара, там с кафедр читались его красноречивые письма. История упоминает об одном проповеднике фламандском, Арнульде, который присоединился к апостольской миссии св. Бернара. Арнульд посетил несколько провинций в Германии и в Восточной Франции; суровым образом жизни и странностью одежды он возбуждал любопытство и благоговение толпы. Он не знал ни романского, ни греческого языка и имел при себе переводчика по имени Ламберт, который передавал на местном наречии благочестивые увещания фламандского проповедника.

Примером Франции и Германии увлеклись Англия и Италия. С Альпийских возвышенностей, с берегов Роны, из Ломбардии и Пьемонта двинулись толпы под предводительством маркиза Монферратского и графа Мориенского, дяди Людовика VII по матери. Английские крестоносцы выехали на судах из гаваней Ла-Манша и направились к берегам Испании.

Немецкие крестоносцы должны были соединиться в Регенсбурге, а французские – в Меце. Дороги к этим двум городам в продолжение нескольких месяцев были заняты пилигримами. Движение войск происходило в порядке; в обстановке этой второй священной войны было более правильности и согласования, чем прежде; ничто не внушало предчувствия несчастий, которые таились в будущем.

Для ведения крестового похода нужно было много денежных средств. Благочестивые пожертвования были очень значительны, но все-таки недостаточны для содержания большой

армии. Людовик VII был принужден прибегнуть к займам и новым налогам. Петр Достопочтенный, присоединившийся к св. Бернару, чтобы воспрепятствовать преследованию иудеев, был, однако, того мнения, что можно было отнять у них богатства, нажитые ростовщичеством и даже святотатством; он посоветовал французскому королю заставить иудеев принять участие в издержках для похода, и по всему можно предполагать, что советы аббата Клунийского не остались напрасными. Духовенство, в свою очередь, также поплатилось значительным налогом; оно обогатилось во время первого крестового похода, но второй обошелся ему довольно дорого. Налоги не миновали ни ремесленники, ни земледельцы, и это возбудило ропот, не совсем благоприятный для поддержания энтузиазма к священной войне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.